

Леонид Чекалкин

ВЕТЕР УДАЧИ

Стихотворения

Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2014

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
Ч 39

Чекалкин Л.И.
Ч 39 Ветер удачи. Стихотворения. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. – 268 с.

ISBN 978-5-91366-974-2

Книга «ВЕТЕР УДАЧИ» московского поэта и учёного Леонида Чекалкина, лауреата литературной премии имени А.С. Грибоедова, дипломанта Национальной экологической премии «ЭкоМир» является продолжением книг «ВЕЧНОЕ ВРЕМЯ» и «ВО ИМЯ». В настоящей книге представлены избранные стихи из ранней лирики, из двенадцати книг 2006 года, а также стихи более позднего времени и маленькие поэмы, написанные в разные годы.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5

ISBN 978-5-91366-974-2

© Чекалкин Л.И., 2014
© ИПО «У Никитских ворот»,
оформление, 2014

ВЕТЕР УДАЧИ

*Прилетевший ветер с юга
Полон запахов весны,
Бьётся в грудь мою упруго,
Дарит шелесты листвы.
Этот ветер – ветр удачи –
Раскрывает тайну строк
И к земным годам впридачу
Мне сулит небесный срок.*

ВЕСНА ЗАПОЗДАЛА

Весна запоздала.
Апрельские снега
летят под колёса
скрипучей телеги,
под шины машины
на скользкой дороге,
на крыши домов,
на сады и остроги.
На белые головы –
храму и – мне,
открытым и небу,
и снежной весне.

ЮНОСТЬ

Пусть явь перевита предутренним сном.
Во сне – перестуки вагонов на стыках.
А в яви – деревья за мокрым окном,
Огнями внезапными путь их утыкан...
А поезд летит все вперёд и вперёд,
Не зная сомнений, не ведая страху...
Вот дождь перестал. Только ветер ревёт,
Мою – на груди – разрывая рубаху.

НАПОЛНЯЯ СТРОКУ ВЫСОТОЙ

Длится, длится пора вдохновенья.
Сеет слово морозный январь.
Колокольной игрой повторенья
Будит души оглохший звонарь.
И несую я усталости бремя –
Сберегаю молчаньем гортань,
И прощю наступившее время
К прежней жизни вернуть глухомань,
Где поля бесконечно-раздольны,
Первозданной спелят слепотой.
Льётся утренний звон с колокольни,
Наполняя строку высотой.

ВЕСЕННИЕ ВЕТРЫ

Вот весенние ветры.
Они могут помочь,
Одолев километры,
Отогреть нашу ночь.
А, быть может, иное
Учинит ветровьё –
Оживит ледяное
Сердечко твоё?
Может ветру удастся
На нелёгком пути
Дать садам оклематься,
А потом – расцвести?

Коли так, свою силу
Ветер вновь наберёт –
Отогреет России
Озябший народ?

ПУТЬ-ДОРОГА

*Дорога – до Бога,
а с Богом – путь...*
Э. Балашов

Чисто вымыто оконце
В скромной хижине моей.
По утрам приходит солнце,
Выдворяет сны ночей.
А зима слывёт морозной,
И гостит порой пурга –
С очевидностью бесхозной
Мир засыпали снега.
Здесь, у старого порога
Жизни круг хочу замкнуть –
Отыскать тропу до Бога,
Чтобы дальше – с Богом! – в путь.

МЕЛОДИЮ СЛУШАЮ БОГА

Кольшутся кроны деревьев,
являют пример естества.
Невидимых птиц оперенье
укрыла густая листва.
И только по тонкому свисту,
по трепету листьев-страниц
представить могу голосистых,
с чарующим пением, птиц...

Дождаться бы праздника ночи,
развеять любую вину,
чтоб в ауре той непорочной,
настроясь на птичью волну,
я понял бы ясно и строго:
вновь с небом – один на один.
Мелодию слушаю Бога
и верую: с ним я – един.

2012

СЛЕДЫ

1

Как свет, подаренный зарёю,
Я тайну втуне не держу –
Всю жизнь иду по рубежу
Меж небесами и землёю,
От неизвестности немею,
Следы заметив на снегу:
Услышать Бога не умею,
Увидеть Бога – не могу.
Но, строя строки иль дорогу
В любом случившемся краю,
О помощи взываю к Богу,
И за неё благодарю.

2

Переступил заброшенный порог –
Обрёл покой и ощутил свободу.
Как будто рядом находился Бог,
И губы прошептали: Слава Богу!

СПОЗАРАНОК

1

Исполнено сердце простора,
Пока на закат я смотрю,
Чтоб завтра, не зная укора,
Встречать спозаранок зарю.
Смятения прежнего нету,
Разумно размеренна речь...
А сердце взывает: К ответу
Пора бы и душу привлечь!

2

Мы – собственных трагедий дети,
Но продолжаем жить на белом свете.
Узнаём: все невзгоды – преходящи,
И утвердимся в собственной судьбе.
О, было б только чувство настоящим
И не мешали б чувствовать тебе.

ВЕРНУТЬ ВОЛНЕНИЕ

Обманчиво спокойствие в природе –
Тревожной тишиной наполнен лес.
Как птица, прикипевшая к свободе,
Вновь проявляю к жизни интерес.
Смотрю направо – пароход в заливе,
Смотрю налево – остров на плаву.
А вверх – и облака неторопливо
Плывут и падают в ночную синеву.
Здесь все – моё! Но – временно владенье,
И я теперь – не завтра, не потом
Вернуть хочу забытое волнение,
Почувствовать, свой покидая дом –
Хотя б на час, хотя бы на мгновение.

1970

БЛАГОДАРНОСТЬ

Одинокой звезды – бесконечна свобода.
Лишь прибьёт облака к берегам
Приземлённого вечного свода, –
Обращаю свой взор к небесам:
Вновь приветствую промысел Божий,
Находясь в заповедном краю,
Я, на прадеда ликом похожий,
Жизнь согласно заветам творю.
И свои благодарности снова
Посылаю в безбрежье высот,
Где рождается чувственность слова,
Не убитая ядом красот.

НАДЕЖДА

Наше время уйдёт безвозвратно,
И изменится облик небес.
Истолкуют то время превратно,
Не теряя живой интерес
К бесконечной, немислимой бездне,
Наблюдаемой в праздной глуши,
Сохраняя подспудно надежду
На бессмертье заблудшей души.

ОТТИСК СУДЬБЫ

Берег. Ветер. У причала –
Утренняя стынь.
В сотый раз начну сначала –
Погрызу полынь
И смешаю с каплей крови
Треснувшей губы,
Чтоб явился точным в слове
Смысл моей судьбы.

ИЗБРАННОЕ ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ

*Начиналось тихо утро,
Обещало ясный день,
И мою терпело мудро
Целомудренную лень,
Где невольная свобода
Мне досталась для того,
Чтобы купол небосвода
На плечах держать легко.*

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Стало небо сумрачного цвета.
На огонь слеталась мошкара.
Ночь в посёлке. Середина лета.
Полутеней странная игра.
Свет погашен. Тени обступили,
К изголовью лес почти впритык.
В стену дома, словно в чью-то спину,
Сук берёзы – непримкнутый штык.
Резкий голос поздней электрички
И – протяжно – паровозный крик,
Яркий блик от одинокой спички
На окне испуганно возник.
Спящих комнат тишина сквозная,
Чёткий ритм дыхания не сбит.
Но под сердцем, снова возникая, –
Страх за тех, кто по ночам не спит.
Стало небо пепельного цвета.
Сердце беспокойное – в груди.
Ночь в посёлке. Середина лета.
Середина века – впереди.

1949, 1963

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Вновь отпущено время весне.
Вырываются листья из почек.
Возрождаются силы во мне,
Воскрешая забытые ночи.
Возвращаются силы ко мне,
Важной думой опять озабочен:
Вместе с вами живу на земле, –
Вам и песня из утренних строчек.

1966

ПОМНЯ АТЛАНТОВ

Начиналось тихо утро,
Обещало ясный день,
И мою терпело мудро
Целомудренную лень.
А грехи минувшей жизни
Растворились без труда.
Даже горечь укоризны
Не оставила следа.
И невольная свобода
Мне досталась для того,
Чтобы купол небосвода
На плечах держать легко.

1970

ТАЮЩИЙ СВЕТ

Неведомо – сколько осталось мне дней,
Но жизни дорога еще – не прямая:
Прозрел в первых числах спящего мая, –
Ослеп от февральских бессонных огней.

Казалось, долги уже все оплатил.
А где она, вольница, песня степная?
Вновь тающий свет от погасших светил
Собой придавил, в эту землю вминая.

1966

ЖЕЛАНИЕ ПЕСНИ

Я песнь такую спеть хотел,
Чтоб все сочли её – своею,
Но позабыл, как прежде пел,
И хрупко то, что я – умею.
Я сделал бы немало дел,
Когда бы знал, что всё – успею:
Так мало сделать я сумел,
И бренно все, что я – имею.

1966

ПРИБАЛТИКА

Запах моря, запах терпкой хвои,
Влажный дух погасшего костра.
Мне тепла хватило бы с лихвою
Посидеть, подумать до утра.
Мир уснул, и только птичья стая
Не угомонится до поры.
Первый луч, в листву не проникая,
Не осушит сумрачной коры.
Что еще напомнит о далеком? –
Резкий свет оконного огня,
Где живет легко и одиноко
Женщина, любившая меня.

1970

В ШТОРМ

Да, надежно сколочена лодка,
И сработано крепко весло,
А луженая шквалами глотка
Помогает постичь ремесло:
Дотерпеть, догрести до причала,
Как бы ни были волны круты...
Лишь бы птица в ночи не кричала,
Пролетая над бездной воды.
Пусть кровавые лопнут мозоли,
Соль ладони проест до кости, –
Молоточек сгустившейся боли
Все стучит: дотерпеть, догрести!
Догрести, наконец, до причала,
Рухнуть наземь у кромки воды...
И не помнить, как птица кричала,
Пролетая над бездной беды.

1970

ЖАЖДА

Мне немного надо,
Коль живу на лету:
Я, сметая преграды,
Свою боль отведу.
Мне бы чистого неба
С негасимой звездой,
Да горбушечку хлеба –
Привычной едой.
Да запить, если хотца,
Из бадейки худой,
Не дойдя до колодца, –
Ключевою водой.
Да заветного слова,
Если встречу, – от Вас,
Если нет, – значит снова
Из того, что припас.

1970

ДОРОГА

Моя я совесть, как прежде, чиста,
И душа не блуждает в потемках:
Оставляю ближайшим потомкам.
Свет надежный ночного моста.
Отчего же в тревоге душа?
Ведь корить себя, кажется, нечем:
Вышел утром – очнулся под вечер...
Знать, дорога была – хороша?

1970

ЧАС РАЗЛУКИ

Пришёл сюда, своей судьбы не зная.
Пора июльского заката настаёт,
Полоска неба обагрется резная,
И облаков тревожный длится лёт.
Здесь чаек крики, плеск речной воды
Вплетаются в мелодию, и всё же
Витают в небе призраки беды.
Чем ближе к ночи – явственней и строже,
Когда заката вольности круша,
Природа так выстраивает звуки,
Чтоб встрепенулась каждая душа,
Забывшая, что близок час разлуки.

1969

ДОЛЯ

Не страшна предельная усталость,
Если я работы не страшусь
И храню в душе такую малость –
Музыкой наполненную грусть.
С ней иду по жизненному полю
И, встречая позднюю зарю,
Не ропщу на собственную долю,
Потому что сам ее творю.

1970

ТУМАНЫ

Как будто свёрнуто пространство,
И время схвачено в тиски...
Что может быть страшней тоски? –
Ее глухое постоянство.

Известно: время лечит раны.
А если исцеленья – не хочу?...
Который год к тебе лечу,
Но острова твои – туманы.

1966

СЕДОЙ КОВЫЛЬ

Не усмирай свое воображенье,
Пока зовет заветная строка:
Пойдем в мое стихотворенье,
Где солнце – высоко,
 и вроссыпь – облака,
Где выжжена трава,
 и жаром дышит небо,
Где звон цикад колеблет море хлеба,
Где устремленная в закат
Пылит дорога,
И долго оседает пыль.
Там у забытого порога –
Седой ковыль.

Не усмирай свое воображенье,
Вернись ко мне издалека,
Где горячо твое прикосновенье
И холодна моя рука.

1970

ОСЕНЬ В АРХАНГЕЛЬСКОМ

Прибитый ливнями и грозами
К твоей судьбе, моей беде,
Живу вблизи от чуда – озера,
Где листья мёрзнут на воде.
Там у перил, на ветхой пристани,
Стою почти до темноты
И в воду вглядываюсь пристально,
В преображенные черты
Давно исчезнувшего неба,
Легко редющей листвы,
Ещё не знавшей вкуса снега,
Забывшей запаха весны.
Почти невидимо течение,
Но листья сбились наугад
Туда, где свет граничит с тенью,
И где господствует закат.
Грядёт пора похолодания,
Наверно, будет ночь – светла...
Природа в этот час свиданья
Лелеет призраки тепла.

1965

ЗИМНЕЕ ТЕПЛО

Наше время, наверно, не минуло
И оставило память во мне:
Все деревья украшены инеем,
Не сторевшим в закатном огне.
Все деревья украшены инеем.
В поздних сумерках саду – светло,
Я согрет твоим утренним именем, –
Просто душу оно обожгло.
Пусть заковано холодом озеро,
Я пораньше приду поутру,
Зная – сердце твоё поморозило –
Отогрею его на ветру.

1972

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Я знаю – ты нуждаешься во мне,
И твой горячий шепот в тишине
Отогревает душу мне и руки.
Я понимаю, что прошла гроза,
И можно распахнуть глаза,
И тяжесть одолеть разлуки.

Мучительно кружится голова.
В знакомой песне новые слова
Исполнены таинственного свойства:
Вновь воскресают юные года,
И вновь взошедшая звезда
Рождает чувство беспокойства.

О, шепот твой горячий в тишине!
Я знаю, – ты нуждаешься во мне.
И призывает ночь меня к ответу.
А звезды тают в полумгле.
Нас оставляют снова на земле,
Рассветному вверяя свету.

1971

НА ИЗЛЁТЕ ВЕСНЫ

Пресный запах дремотной воды
Мне сегодня уже не приснится
Как и эта внезапная птица,
Всполошившая криком пруды.
И какие же могут быть сны,
Кроме сна, где спешу повиниться
Перед той, кто не хочет мне сниться
На излете счастливой весны?

1980

ШЕЛЕСТ ЛИСТВЫ

Я дошел до опасной черты –
Благодушие в минувшем оставил,
Но черты неземной красоты
Как хотел, не сумел, не прославил.
Не хватило пока мастерства,
Вдохновенья и трепета рощи,
Там, где шелест любого листка
Гениальнее слова и проще.

1980

КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ?

В том доме – жухлая листва,
Окон провалы – жутковаты,
Следы забытого родства –
Ни правых нет, ни виноватых.

Старушка-яблоня в саду,
Скрип веток черных, узловатых –
Рассталась с памятью в бреду,
Не помнит правых-виноватых.
Плывут на север облака,
Несёт их ветер с юга...
Пройдут года или века, –
Припомним мы друг друга?

Лес чувствует приход весны,
Прилета ждет пернатых...
Не будет целый век войны, –
Узнаем правых, виноватых?

1971

СУДЬБА

Нет, сердце – не рана сквозная
(Лишь сбоем порою грешит).
Не знаю, что утром узнаю,
Но вечер почти не страшит.

Предчувствие будет тревожно,
Лишь вверившись трудной судьбе:
Всезнанием жить невозможно,
Не зная ответа в себе.

1966

ВРЕМЯ ПРОРОЧЕСТВ

Пусть решительно рыжий закат
Разукрасит бурлящую воду, –
Я вернусь ненадолго назад,
Там и кров обрету в непогоду.
Пусть застольная чаша пуста –
Запах трав и деревьев – хмельнее.
А тоска по родству так чиста:
Совладать с ней никак не умею.
И молчанье ничуть не томит,
Столько нежности в сердце разлито,
Словно выбран последний лимит
Из того, что, казалось, — изжито.
Отражённое в бликах костра,
Проявляется время пророчеств.
...Пусть минует друзей та пора,
Что зовется порой одиночеством.

1965

МОЙ ПРОФЕССОР

Э.Б.

От беспричинного, случайного и злого
Мне так хотелось друга уберечь,
Чтоб сохранить его живую речь,
Где каждое волшебное слово.
Хотелось бы соломки подстелить –
И боль уменьшить от падения,
Его ошибки все предупредить,
Вооружив оружием рассужденья:
О ком тужить, кого любить,
И где свернуть налево, где – направо.
Но это значило б –
Жизнь за него прожить...
А я на это – не имею права.

СТАРЫЙ ПОЭТ

Беда ль стряслась
с товарищем моим? –
Не приезжает, не звонит, не пишет,
Возможно, моего звонка не слышит,
От замыслов своих – неотделим.
О, только б не стряслось беды –
Той роковой, прощальной, неутешной...
Метет метель, и замело следы,
Иду искать во тьме кромешной.
И нахожу его – в неприбранном тепле –
Задумчивым, хворающим, беспечным:
Привычно угли ворошит в золе,
А воздух пахнет праздником увечным.

1999

ОБИДА – БЕДА

1

Но забываются не все обиды.
И иногда в холодной мгле
С лирической схожу орбиты,
Чтоб утвердиться прочно на земле.
И крепкую ценя основу –
Любимой позднюю любовь,
Отца напутственное слово,
Я все ж тревогой будоражу кровь.
Пускай терзают мозг сомненья –
Вернуть ли мне обидчику права:
Меня избавить от мученья –
Хранить неправые слова?

2

А в мысль нельзя доверить счётам –
Настала зрелости пора.
Пусть недруги бесславно ли,
с почетом
Уходят с моего двора.
Стерпев обиду, не ищу отмщенья,
Подобья дружбы – не хочу...
Шлю недругам слова прощенья,
Пока мне это по плечу.

1968

ГОРЕЧЬ

Еще не утро, но уже –
Не ночь.
Деревьев дальних –
Резче очертанья.
И я не изгоняю
Прочь
Живущие во мне
Воспоминанья.

Какие мне отпущены
года?
В них горечь повторится
не однажды?
Вдруг замутилась чистая
вода –
Не утолится чувство
жажды.

1959

РАННЯЯ ВЕСНА

Осколок утренней зари
Упал с небес.
И задымился изнутри
Промокший лес.
Туман разбуженной весны
Лишь отгенил
Едва родившейся листвы
Избыток сил.

БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ

Так похожа быль на небыль
В час предутренних причуд –
Опрокидываю небо
В заповедно-тихий пруд,
Чтоб земной не зная боли,
Где хмельна порой строка,
По капризу новой воли
Плыли рыбы в облака...

1966

СВЯТОЙ ЛИК

Все длится ночное раздумье.
Туманом разбавлена ночь.
Стоит в изголовье безумье,
Сознание гонящее прочь.

И так равновесие зыбко:
Чем лучше, не знаю пока,
Гримаса страданья – улыбки
На лице святом дурака?

1970

ПОРОЖНЯКОМ

Ночь нетерпением живет –
Я слышу напряженье.
Еще и солнце не встает,
А мир давно – в движенье.
Белей белил на потолке,
Пушистей пены взбитой,
Туман клубится на реке,
Над всей водой убитой.
Крутой, наверно, кипяток
Прорвался в реку где-то,
И – закурчавился поток,
Бежит проворно в лето.
И раскаленным пятаком
Над сумрачной землёю
Луна плывет порожняком
И встречи ждет с зарёю.

1980

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Памяти Гали Тарасовой

Прожилки нагие
У клена на листьях,
Как вены тугие
Натруженной кисти.

Густая листва,
Не спалённая зноем,
Трепещет едва,
Наслаждаясь покоем.

Дремоту возможно
Легко превозмочь –
Светло и спокойно
Рождается ночь.

1958

КРЫМ

Рассвет – нетороплив,
Он кажется несмелым.
Но скоро весь пролив
Наполнит цветом белым.
Оттенком золотым
Края подкрасит неба,
Разбудит сонный Крым,
Где я счастливым не был.
Но сохранил мечту:
Сюда вернуться вскоре –
Его увидеть красоту.
И не глазами горя.

1958

КРЫМСКИЙ БЕРЕГ

В час предзимний, в час урочный
Стихли южные ветра.
Вышел месяц – полночник –
Прогуляться до утра.
Дымкой легкою прикрытый
(Отлетели облака),
В море вынырнул открытом,
Скрасил думы рыбака.
Высветил высокий берег
Той тревожной стороны,
Где шагами путь измерен
От обиды – до войны.
От любви и до – презренья.
От прощенья (через боль) –
До внезапного прозренья,
Что пришло само собой.

1966

ЭПОХА ЛИСТОПАДА

Вторгшийся в эпоху листопада,
В сентябре – февральский снегопад,
Побелил необлетевший сад,
Крышу дома, новую ограду.
В сентябре весь город побелил,
А его – окинь, попробуй, взглядом.
Сколько же понадобилось сил,
Чтобы зимний утвердить порядок.
Чтоб, запомнив листьев перезвон,
Испытавших час обледененья, –
Пережить в себе свои сомненья,
Провалиться в сон?

1965

НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА

На сотни верст – нелетные погоды,
Ночной метели свист и вой.
Лежат сугробы – белые уроды,
В самих себя зарывшись с головой.
В зеркальной нагоде вся мостовая,
Студеным отражением полна.
Ее колючий ветер подметая,
Летит назад, в былые времена.
И я – за ним, с душою нараспашку,
Преграды времени круша,
Чтобы к себе, рождённая в рубашке,
Вернулась обнаженная душа.

1970

К ВЕСНЕ

До половодья – далеко.
Была б душа готова
Подняться рано и легко,
Вершить свой труд толково.
Весну я полюбил навек,
И это не утаиваю.
Сгребаю пригоршнями снег
И вместе с ним – оттаиваю.

1968

АПРЕЛЬСКИЕ ШАЛОСТИ

Словно летние дни
Наступили в апреле –
И деревья, и землю
Они отогрели.

Старый лед, показалось,
За сутки растаял.
И открылась река:
Прилетай, белокрылая стая!

Прилетай, очень хочется
Свидеться снова.
Приноси поскорей
В крике скрытое слово...

Злые ветры в пути
Шею нам не свернули:
Отбрали покой,
А вернуть – не вернули.

1980

РАССВЕТ НА ОЗЕРЕ

Едва гребёнка солнечных лучей
Дождя пронзила бисерную стену –
На берегу не стало горячей,
Но – живописней, без сомнений.
Прозрачный пар над озером поплыл,
Страницы волн легко листая.
Вот-вот услышу шелест крыл,
Хотя здесь не бывала стая.

2000

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Вновь озеро теряет берега,
Ночной туман укутывает дали.
И проплывают медленно стога –
Пейзажа крупные детали.
Три дерева на дальнем берегу –
Ориентир спокойного раздумья,
Я в памяти невольно стерегу,
Пока туман в плену разгуляя.
Гляжу вокруг – никак не разберу,
Что замерло и что пришло в движение:
Три дерева затеяли игру,
Или в воде играет отраженьё?

1980

БЕСПЕЧНЫЕ ГОДА

В тени ущелий плавилась снега,
Ярилось беспокойное светило.
Цветы и травы вышли на луга –
Расти и наливаться силой.
А к вечеру, в стихающем тепле
На полустанке между днем и ночью
Услышал я: весёлая капель
Ритмично ставит многоточье.
Поверил я: остались навсегда
За покоренным перевалом
Мои беспечные года,
Распятые спасительным обвалом.

1978

ТРЕВОЖНО

Неспешно восходит светило,
Лениво плывут облака
Туда, где не в полную силу
Оно еще светит пока.
Но промельк лучей сквозь деревья
Ограды чугуна серебрит,
А воздух тепла и доверья
Над миром тревожно парит.

1978

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

На море тишайший рассвет.
Громада воды – без движенья.
Отныне как будто бы нет
Ни ветра,
ни волн,
ни течения.
И этот холодный покой,
Встречая минуты рассвета,
Не знает, что жизни такой
Безмолвная песенка спета.
Не знает, что время прошло,
В котором я жил, не лукавил –
Мне душу оно обожгло,
А я его – в сердце оставил.

ПЛЯЖ КОКТЕБЕЛЯ

Не тревожило до дрожи,
Прожигало – не насквозь,
Обжигало солнце кожу
От мизинцев до волос.

И малиновый оттенок
Пощадил лишь те места,
Где лежали зыбко тени
От засохшего куста.

И горит пожаром тело.
...Может с ним, огнем дыша,
Полегонечку, несмело
Отогреется душа.

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Что срублено в роще, – того не вернёшь.
От этого кажется грустным
Накопленный в небе неделями дождь,
Что разом обрушился грузно.
Знакомой тропею я в рощу иду.
И мысль не теряю в дороге...
От каждого зверя беду отведу
И сам не погибну в итоге.

1965

КОРОТКАЯ СУДЬБА

Тиха листва – колышется.
Строга строка, но – пишется.
Напишется ли, сбудется?
Скорей всего – забудется.
Но некий путь проделает,
На миг счастливым сделает.
Хотя бескровна та борьба,
Но в ней порой – судьба.

1966

БЕРЕГ НОВОЙ ЗВЕЗДЫ

Пишу без надрыва и маски.
Важней для меня не сюжет,
А блики, оттенки окраски
И – чуточку – собственно цвет.
Коллизии быта – опасны,
А в чём-то порой – хороши.
Но я же спешу без опаски
Исследовать тайны глуши.
Понять все её устремленья,
Услышать неспешную речь,
Себя охранить от смиренья,
Тем душу, возможно, сберечь.
В назначенный час расставанья
Закончив земные труды,
Надеясь пройти расстоянья
До берега новой звезды.

ХОЛОД НОЧИ

Лёгкий шорох шурги по карнизу,
Шелест листьев промёрзлых в саду...
Холод ночи на посох нанизан –
Помогает на быстром ходу.
И безмолвью привычному ночи
Мягкий снег не мешает ничуть.
Потаённый упрёк одиночеств
Возвращенья приветствует путь.
И пока ещё вижу и слышу
Свет души и угрозу беды, –
Снег ложится на кроны и крышу,
На земле замечает следы.

1980

ГОРЕЧЬ ОПАЛЫ

Дожди улетели,
В краю неизвестном упали.
А мне – хорошо,
У родни я, как прежде бывало, –
В опале.
Дождусь перемен,
Понимая, что жизнь –
На исходе.
Покину причал,
Чтобы снег повстречать
На восходе.
И будем мы вместе по миру
Скитаться.
А смысл вдохновенья, известно, –
В печали.
А если с печалью пока не хочу
Расставаться –
Приемлю и сладкую горечь
Опалы.

1980

ИЗМЕНА

Время – вышло.
И день показался короче,
Чем его календарный удел.
Знать, длиннее окажутся ночи,
Временной подарив передел.
Значит, будет возможностей больше –
Помечтать, долюбить и вернуть
То забытое чувство, где проще
Невозможно исследовать путь
Возвращения к началу, к истокам,
Где заложена тайна измен:
Оголённый там провод – под током,
Ток ударил в момент перемен.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Ход времени замедлен, но – весóm,
Я вижу плод на грузной ветке,
И вновь пою с природой в унисон,
Сливаюсь с нею каждой клеткой.
Почти не знаю толком ничего,
Немного – про нашествие печали.
А сердце, предвкушая торжество,
Живёт догадкой: итог – в начале.

1986

ОЖИДАНИЕ ОТКЛИКА

Обитаю в ауре молчанья.
Это: дни и ночи – напролёт
в ожидании отзвука, звучанья
голоса, который позовёт
в дебри сна или в реальность
летнего просвеченного дня,
в город ближний или дальний,
где я был, где не было меня...
Слишком долго длится ожиданье.
Объясненье может быть одно:
предано забвенью обещанье
и смириться с этим суждено.
Вслушиваясь в шёпот или крики,
в эхо грома или дальний гром,
я в другие вглядываюсь лики,
и по-новому отстраиваю дом.
И теперь, предчувствуя молчанье,
в небесах ищу свою звезду –
Слушаю далёкое звучанье,
отклика обещанного жду.

1980

КРИК

Не грусти, не тревожься, не сетуй
И не думай о прожитом дне,
Чтоб лицом повернувшись к рассвету,
Раствориться в рассветном огне,
Чтобы только не чувствовать в поле
Беззащитность бескрайних полей,
Чтоб душа не сомлела от боли,
Скрытой в крике живом журавлей.

1970

СТЫДÓБА

Хорошенькое дело:
Иду, почти пляшу.
Душа с утра запела –
Мелодией дышу.
И вот иду, танцуя,
Чудак и однолюб.
Ожог от поцелуя
Несу на крыльях губ.
И песню петь – не больно.
Но есть одна беда:
От радости невольной
Сгораю со стыда.

1965

СКВОЗНЯК

С наступлением рассвета
Ветер тратит больше сил,
Чем в часы ночные лета,
Где впервые полюбил.
Да, любил, но время вышло –
И последней из потерь
Тень любви ушла неслышно,
Сквозняком прикрыла дверь.

1972

СОМНЕНИЯ

Что мой жизненный опыт? – пустяк.
Сколько книг не дочитано, уйма!
И по ближним и дальним путям
Я прошел торопливо и шумно.
Что печали и хвóри мои,
Если сердце подвластно инфаркту,
Если мать над пустой колыбелью стоит,
И ракеты готовы к безумному старту?

Как посмела родиться такая мечта:
Восемь строчек явить наподобье чуда?
Если в доме хозяйкой порой – маята,
И свободе дыханья мешает простуда?
Что любовь моя – вся – отраженье любви,
Неземная вначале, а позже – земная?
То ль она колобродит, как прежде, – в крови,
То ль живет настоящим, сомнений не зная?

1965

НАПАСТЬ

Как мне справиться с этой напастью –
С самодурством усталого дня,
Отдающего призраки счастья
На потребу ночного огня?
Лишь закатного солнца осколок
Подожжёт хвойной лапы ладонь,
Мириады горящих иголок
Фейерверком украсят огонь.
Скоротечна судьба каждой искры:
Быстро к небу, сгорая, летят.
Как и твой, загоревшийся быстро,
Так же быстро упрятанный взгляд.

1966

МЯТЕЖ

Тихо клонится к закату
наш усталый день.
Длится виновато
от берёзы тень.
Только птичьим трелям,
видно, невдомёк,
что, не зная цели,
день почти истёк.
Завершилась эра
мятежа в крови,
и – исчезла вера
в подлинность
любви.

1969

ЗАПАС УКОРИЗН

Чем душе тяжелей,
тем она – плодотворней.
Ей не нужен елей
в атмосфере покорной.
Но запас укоризн,
припасённых тобою,
Сокращая мне жизнь,
так играет судьбою:
Изгоняет покой
в атмосфере полночной,
Хохоча над строкой –
живой, непорочной.

ОСТАНЬСЯ НЕИЗВЕСТНОЙ

Мне о грядущем думать – интересней
Встречать готов его рассветной песней,
Мелодию надежды выбирая...
Но иногда звучит иной мотив,
Я им живу, живу, не умирая,
Мечтой за прожитое заплатив...
Помаялся с такою песней,
Где, что ни строчка, то печаль и боль.
Одна из них перед тобой:
Любимая, останься неизвестной!

1969

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ночные шорохи живут в моем лесу.
И что не шорох, различаю чутко.
Мне интересно и немного жутко –
В себе свои сомнения несусь.

Я о любви не знаю ничего,
И потому невольно осторожен.
Тайник души ещё не потревожен,
И сердцу не доступно торжество.

И, прошлое в душе не истребляю,
Я слышу голоса в полночном хоре.
Не ведаю еще о приговоре:
Найти тебя и – потерять тебя.

1970

ХОЗЯЙКА-ЗИМА

Пришла хозяйкою зима –
Суха, строга, сурова.
Какая холодность ума,
Какая жажда слова!
А льдом закована река,
На льду заплаты снега.
И слышен зов издалека –
Неведомого века.

1968

ГОСПИТАЛЬНАЯ ВЕСНА

Шумят бессонные деревья –
В них соки бродят в полусне.
И эти скрытые кочевья
Согласны с солнцем по весне.
Всё совершится повсеместно –
Природа выполнит в свой срок
Неукоснительно и честно
Давно заученный урок.
Твои растрочены все силы
По личной или чужой вине? –
Но оставаться некрасиво
От созиданья в стороне.

1968

ОГОНЬ ЗАПОЗДАЛЫЙ

Д.Б.

Птица прокричала,
Снова – тишина.
Жизнь начать сначала
Воля мне дана.
Выдано мне право
Думать, как хочу, –
Полечу исправно
В небо по лучу.
И вернусь обратно,
Чтобы вновь и вновь
Думать – не превратно,
Воскрешать любовь
К той, неповторимой
Девушке огня,
Промелькнувшей мимо
Грешного меня.

БОЛЬ

Хирургу А. Бровкину

Палату медсанбата
Заполонила боль
Безногого солдата
Со стрижкой «под ноль».
А рядом у порога,
На стёршемся крыльце
Хирург с глазами Бога
И скорбью на лице.

ПОЭТИЧЕСКАЯ РАБОТА

Не помню, не вижу, не знаю:
Сомнений – весомый улов.
Но это – программа сквозная
Конкретного поиска слов.
И в час настоящей работы
Поддаться сомнению нельзя:
Как будто штурмуешь высоты,
По каменной кромке скользя.

НОВЫЙ СМЫСЛ

Высоких слов я вычерпал остаток,
И полетел над грешною страной,
Глухих ночей исправил недостаток,
Приметы жизни вспомнив до одной.
А путь преображения – тревожен,
Бессонница, наверное, права,
Напоминая, что покой низложен –
Его украли бранные слова.

1970

ПЕРЕДЕЛКИНО

*Лес стянут по горлу петлёю пернатых
Гортаней...*

Б. Пастернак

Продлённая пауза ночи
Заполнена странным трудом:
По-птичьи стремительный почерк
Стремится поведать о том,
Что снег устилает равнину,
Безлюдье – на тысячу вёрст,
И дух опустелой картины
По воле небесной простёрт.
Незримы земные границы,
А ветер затепленный льнёт.
Слова – это быстрые птицы,
И вечен их дерзкий полёт.

ПАУЗА НОЧИ

Я паузу ночи придумал
И выкроил отдых себе –
Легко отстранился от шума
И вверил молчанье судьбе.
И жаром тяжёлой ладони
Отринул от неба глаза,
Представил без крика и стопа
В обличье святом образá.
И всё, чем душа отболела,
Как будто ушло навсегда...
Но птица внезапно запела,
И мне подмигнула звезда.

НОЧНОЕ ЗНАНЬЕ

О, если бы не отнимало силы
Ночное знанье о грядущем дне,
Не так бы повстречал Светило –
Согрел бы душу на его огне.
Иначе бы внимал и трелям птичьим
Поддался б утренним ветрам,
Сомнению не подвергал величье,
Неведомое утренним богам.

В ЧАС РАССТАВАНЬЯ

Пишу без надрыва и маски.
Важней для меня не сюжет,
А блики, оттенки окраски
И – чуточку – собственно цвет.
Коллизии быта – опасны
И – редко, когда – хороши.
А я поспешаю пристрасно
Постичь многогранность души,
Её неземные стремленья,
Земную неслышную речь.
В минуты большого сомненья
Хочу эту речь уберечь,
Чтоб в подлинный час расставанья,
Разрушив оковы беды,
Та речь, не страшась расстоянья,
Озвучила щедрость звезды.

СОСЕДСТВО

Тает ночь, оставляя в наследство
Свет далёкий безмолвной звезды.
Мне приятно такое соседство –
Оно сможет спасти от беды.
...А пока ещё холодно очень,
Закурю, чтоб согреться огнём:
Я вбираю тепло долгой ночью,
И холодным расходуя днём.

НАУЧАЛА НОЧЬ

Научала ночь – речи перечить,
Грешной мысли – препоны чинить.
Я назначил ей новую встречу,
Чтобы волю свою укрепить,
Чтоб разумное время текло,
День привычно менялся на вечер,
Чтобы ночь отдавала тепло
Всем, кто нас от величия лечит.

ОЖИДАНИЕ

День за днём, как час за часом,
Убывают жизни дни.
Хорошо бы не напрасно
В бездну падали они.
Становясь с годами старше,
И, возможно, чуть мудрей,
На своём походном марше
Берегу тревогу дней.
Уплотняю делом будни,
Уменьшаю время сна –
И надеюсь, что пребудет
Всепрощающей весна.

НЕ ЗРЯ

Не зря, ох, не зря в январе прилетали метели.
Плоды их работы мы скоро увидим – в апреле.
Не зря так шумели они, умягчали январскую стужу,
Свиваясь в кольцо, и снега выдувая наружу?
Не зря укрывали собою кусты и большие деревья,
И так, как умели, к себе возвращали доверье?
И скоро, ох, скоро отметимся мыслью простою:
Покроется, нет ли округа лесная живою листвою?
Другим зададимся вопросом, решая иные задачи –
Когда, вместе с кем заложили основу удачи?
И много ль труда и волненья, бессонной тревоги
Затрачено было, чтоб цели достичь,
не сбиться с дороги?

ЗИМА

Ещё зима всю лютует,
Струится подо льдом река.
Но ветра праздничные струи
Торопят с юга облака.

Ещё обрушатся метели,
И принесут с собой тепло,
А мы давно тепла хотели –
Дома по крыши замело.

Пусть ясным утром спозаранок,
Ещё морозец щёки жжёт,
Но сердце – выживший подранок –
Уже весенних песен ждёт.

1970

ЗИМА УХОДИТ?

Невнятная длится неделя.
Весенняя – зимняя? Чья?
Желанней ей стылые ели,
Иль голос весёлый ручья?

Пора бы с морозной погодой
Расстаться до новой поры –
До праздника нового года
Но после осенней игры.

Пора бы осваивать утро
С раскраской весенней небес –
Теплом всех одаривать мудро
И к птицам вернуть интерес.

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

А ночи по-прежнему стынут,
Снега под крылом фонаря
Рисуют смешные картины,
Их ветру ночному даря.
И яснится бремя сознания,
Сгорают поленья в огне.
Но зримые зреют признанья
В любви к соловьиной весне.

ПОКА СОЗНАНЬЕ ЯСНО

Спасибо, небеса.
Поклон тебе, природа:
Я слышу голоса
Нагрывшего года.
И я – вооружён:
Предвиденьем приручен,
И мыслью – снаряжён,
И навыкам – обучен.
И знаю – почему
Спешу судьбе навстречу,
Поверив сердцу, не уму,
Хотя и путь – конечен.
Пусть помыслы стары,
Но всё-таки прекрасны:
Живу до той поры,
Пока сознание – ясно.

ТАЙНА

Памяти С. Есенина

Почти безгрешен, грустен и смешон,
Молчанием ночных теней обставлен,–
Гоню всё тот же неизбежный сон,
И наглухо не закрываю ставни.

Пускай прольётся лунный свет,
Живой звезды взойдёт сиянье, –
Моих сомнений зыбкий след
Ответа ищет в покаянье –
Греха не помнит.
Память не браня,
О, Господи, шепчу,–
Я, кажется, безгрешен...

Освобождённый от теней вранья,
Фонарный свет к столбу
подвешен.

1980

НОЧЬ

1

Ночь – мучительница-дева.
Мы с тобой – опять наедине.
Что ж с тобой смогу поделаться,
Если не даёшь покоя мне?
Если вновь пленительны и тонки
Очертанья нежные твои,
Звуки – удивительной настройки, –
На вселенский ток любви,
На необходимость строить строки
Под грядой летящих облаков,
Улетающих на север строго
Под приглядом утренних богов.
На потребность яркого накала –
Чудо сотворять из ничего,
Начиная каждый раз сначала,
Призывая боль и мастерство...
Ночь – красавица и лгунья,
Счастья – нет, как обещала ты.
Нет любви. Но где-то есть певунья –
Потаённой, нежной красоты...
Тайна – есть,
Пленительна и вечна.
Вот она и заставляет вновь

Ждать нетерпеливо и беспечно,
И дарить последнюю любовь.

2

В глубине заповедного леса –
Перебранка невидимых птиц.
Их туманная скрыла завеса,
Расширявшая память границ.
Птичьи скрипы и всхлипы, и вопли
Гонят сон и торопят часы.
Хорошо б они дружно умолкли,
Не позорили тайной красы,
Хорошо, если б сердцем поэта
(Вместо свар, суеты и борьбы)
Я услышал бы песню рассвета,
О скитаньях пернатой судьбы.
Хорошо б, если в бездну покоя,
В краткий сон провалиться сумел
И запомнил не дразги разбоя,
А восторг поэтических дел,
Прилетавший сюда ненадолго.

Чтоб потом я узнать захотел:
Кто вчера в тёплом воздухе волглом
Поднебесную музыку пел?

ГОСПИТАЛЬНАЯ ВЕСНА

Заплутала весна, запоздала,
Но душе помогла отдохнуть.
Толчею не приемлю вокзала –
Без меня поезд тронется в путь.
Я живу, не теряя сознания,
Слышу сердцем, не верю уму...
Покоряю в мечтах расстоянья,
Чтобы в тягость не быть никому.

1980

КРАСКИ ЛЕТА

Прозрачной летней ночью
Все краски озера видны,
Над гладью непорочной
Лишь всплески редкие слышны.
Подобный час необходим,
Чтоб смысл найти в ответе:
Скажи, ты мыслию томим,
Что ты – один на свете?
На целом свете – никого,
Вода, да лес – стеною...
А мне не страшно – оттого,
Что ночь сама – со мною.

ИЗБРАННОЕ ИЗ КНИГ 2006 ГОДА

*Не суетливость, не поспешность –
Азарт погони за мечтой –
Постичь мифическую вечность,
Представить лик её святой.
И зная сил своих ущербность,
И арсенал убогих прав,
Надеюсь на святую щедрость,
Предел мечты своей поправ.*

ЯНВАРЬ ЗАТЕПЛЕН

РОССИЯ

Неизбежен лик печальный
Ранней эры января,
И приход поры начальный
Снега в свете фонаря.
Неизбежный час прощанья,
Как сумею, отдаю.
Все исполнив обещанья,
Встречу новую зарю.
И без видимых усилий
Постою на берегу:
Стылым воздухом России
Надышаться не могу.

ОЖИДАНИЕ УТРА

Сквозняки гуляют в доме,
Кружит ветер во дворе,
Слышен зов, и зова кроме –
Ничего в ночной поре.
Буду вслушиваться чутко,
Мыслью трезвою томим –
Подкрадётся скрытно утро,
Я, как прежде, дружен с ним.
Озарённый светом новым,
Мир проснётся, и тогда
Пролетит путём фартовым
Загулявшая звезда.

ТАЙНЫЙ РАЗГОВОР

Не стон, не громкий рык, не топот –
А чей-то шорох, или скрытый шёпот
В глухой чащобе, в тайной части леса
Услышал я, и, полный интереса,
Пошёл на этот звук, и осторожно
Ступал, чтобы увидеть было можно
Источник шёпота, начала разговора,
Которое укрылось в дебрях бора.
Я долго шёл, но вдруг, как будто плетью,
Хлестнуло по лицу тяжёлой ветвью.
И любопытства непонятого задор
Исчез. Покрытый тайной разговор
Мгновенно перестал быть интересным,
И я к отставленным вернулся песням
И, не таясь, пошёл по лесу напролом,
Слагая строки, помня отчий дом.

А СТРОКИ ВИТАЮТ...

Неспешно светает.
Молчанье таят заповедные трубы.
И тихие шелесты,
Шорохи,
Шёпот – не тают,
На крик не сменяются грубый.
И слышен далёкий стремительный
Топот копыт
Неизвестного стада.
А строки – витают,
А ночь продолжает стремиться
На убыль.
А ветер – сметает весь сор
Запустелого сада.
Но день будет долгим
И жарким, и губы
Искать будут влагу
Янтарных плодов винограда,
И будут молчанье таить
Заповедные трубы.
А строки – витают,
И мне уловить бы их надо...

СВИРЕЛИ ФЕВРАЛЯ

МОЛЧИТ ПРОВИДЕНЬЕ

Его терзал какой-то сон...

А. Пушкин

Срываются листья
Цветного замеса –
Последние письма
Предзимнего леса.

Без страсти и мести –
Явление природы.
Хранящие вести
Земной непогоды.

Пора листопада,
Как время итогов...
И светит лампада,
И мыслится строго.

А листья куда-то
Злой ветер уносит...
Спешит виновато
Последняя осень.

ИМЯ – ЛЕТА

Мороз и солнце, день чудесный!

А.Пушкин

Едва, рождённый сном и ветром,
всплывёт твой образ в тишине,
вспоминанья полным спектром
тотчас придвинутся ко мне.
Небес и солнца – лик привычный,
и в направленьи «север-юг»
высокий облак необычный
проявится нежданно, вдруг.
И в профиле его парящем,
освобождённом от тревог,
увидю облик твой – летящим
по поднебесью – без дорог...
Так, волею своей Всевышний
Одарит памятью огня –
И всё земное станет лишним,
Почти ненужным для меня,
Как и запас пережитого
Хранящегося в тайнике...
Но жаль – из словаря земного
Слова уносит по реке,
Чьё имя – Лета...

ПАМЯТИ ПОЭТА

...Вихри снежные крутя...

А. Пушкин

Не помню я, в каком часу,
какого дня недели
обрушила свою красу
вся оторопь метели.
И вот летят, летят снега,
свои рождая страхи.
Оделись сонные стога
в нательные рубахи.
И, завихряясь на весу,
сто рукавов метели
запеленали всё в лесу –
рябины, сосны, ели.

Не прекращаясь, падал снег,
и даль скрывалась в снеге,
и с ним сливался человек
на облучке – в телеге.
И лошадь белая брела –
сама – по белу свету.
Дорога скорбная вела
К убитому поэту.

ОПЯТЬ БЕССОННИЦА

На стекле ночном, морозном –
Солнца фонарей,
Те, что вечно, непреложно
Замысла старей.
И, как прежде, скукой вьюжной
Город весь объят,
Солнца светят неуклюже
Там, где люди спят.
А пока бессонниц лихо
Зрит судьбу ночей,
Фонари сжигают тихо
Свет своих свечей.
Ведь трудиться невозможно
Ночью без огня –
Сон минует осторожно
Грешного меня.

ПОКОЙ БЕЗМЕРНЫЙ

Ночь простёрлась за порогом,
Тишиной пронизан путь.
Помечтаем о немногом –
Среди строчек отдохнуть.
Свет струится понемногу,
Неба скрыты берега,
И сверкают вдоль дороги
Освещённые снега.
И разлит покой безмерный –
Вспоминая старину...
Не нарушим сон вселенной,
Вспомним прошлую весну.

Сколько бы покой не длился,
Бесконечен ток реки...
Из неё воды напился –
Заблудился у строки.

УКОР

Скрипы снега,
стоны ветра,
сон ветвей –
час побега,
смены спектра
и лучей.
Блики света,
час восхода,
ток реки.
Час ответа –
на укор
строки.

РУССКАЯ РЕЧЬ

По глубоким снегам бездорожья
Хорошо б ранним утром пройти,
Чтоб растратилось неосторожно
Напряженье ночного пути,
Где удача живёт с неудачей,
И меняются слёзы на смех,
Но к усталости сладкой в придачу
Добавляется утренний снег...

Если требует строчка замены,
Свои силы не нужно беречь:
Никогда не прощает измены
Справедливая русская речь.

СНЕГОПАД

Снег летит, себя не помнит,
Но свою являет суть.
В поле зверь кружит бездомный,
Потеряв знакомый путь.

Этот снег такой породы –
Нивелирует цвета,
Помогает снам природы
Без особого труда.

Этот снег врачует раны
И душевный непокой,
Пролетая спозаранок
Над дымящейся рекой.

ФЕВРАЛЬ НА ИСХОДЕ

Февраль – на исходе. Метели пропали.
Вернуться назад они смогут едва ли.
Но дело своё они сделать успели,
Коварные, злые, ночные метели.
Как будто запасы рассеяли соли –
На крыши домов, на дорогу и поле
Все силы, которые в небе скопили,
Легко одолев океанские мили, –
Смешали с ветрами, что с севера дули.
А люди не знали и мирно уснули,
Не видя, – закончились зимние были,
И дни безмятежные тихо уплыли,
На буйные ночи себя обменяли,
Но боль, и тревоги мои – не уняли.

БРЕННАЯ ДОЛЯ

Вот и тема мороза – не модна.
Веет ветер теплей и теплей,
Только память отныне пригодна
Для возврата былых февралей.
Я люблю эту строгую пору.
Если скована льдами река,
Разрешаются вечные споры –
Кто щедрее оденет стога:
День сегодняшний, или грядущий? –
Как попону, набросив снега...
Ближний стог, он же лидер бегущий,
Виртуально стремится в бега.
Я люблю вид заснеженный поля,
Хоть и свет отражённый слепит
И нельзя насмотреться без боли
На снега, или прямо в зенит.
Я люблю свою брENNую долю,
И раздолье её берегов,
И живу с этой мыслью простою,
Униженья не помню оков.

ПРОВОДЫ ЗИМЫ

Все обострились
чувства,
лишь улеглась
метель,
очнулось захолустье –
послышалась
свирель.
Откуда здесь
свирели?
Ответствуют умы:
– Метели улетели,
И вместо них –
свирели
на проводах
зимы.

МАРТОВСКИЕ МИРАЖИ

ЗАМОРОЗКИ

*Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна...*

А. Пушкин

Над дорогой свет струится.
Чистым оловом полна,
К лесу дальнему стремится
Равнодушная луна.
Бесконечная дорога...
Вправо, влево посмотри –
Друг на друга смотрят строго
Мёртвым глазом фонари.
Тают быстрые мгновенья.
В луже плавает звезда,
Не боится заточенья
Под слепую плёнку льда.

БОЛЬШИЕ ДЕРЕВЬЯ

О Боже, как шумно, как шустро они налетели –
Февральской породы, немереной силы метели.
И чёрные ночи разбавили белою краской,
И небо закрыли, где звёзды мерцали прекрасно.
Тревожное слово в бессонную душу вложили,
Где строки покоя друг с другом привычно дружили,
Но, видно, нельзя с этим миром жить в мире,
Как было когда-то в большой коммунальной квартире.
И вновь остаётся набраться большого терпенья –
И ждать, и любить, и смотреть на большие деревья.

ТЫ – БЕССМЕРТЕН

*Что почек, что клейких заплывших огарков
Налеплено к веткам! Затеplen апрель.*

Б. Пастернак

Ночь, мороз, простор, затишье,
Чувство сладкое изгнанья.
Оказалось вновь нелишним
Просветление сознанья
Время тает, ночь – на убыль,
На востоке свет затеplen.
С пробужденьем этим грубым
Осознаешь: ты – бессмертен!

СНЫ ОСНОВ

От простуды зазнобило,
Кашель мечется в груди...
Вспоминаю всё, что было,
Вижу всё, что впереди.
Вызревает беспокойство:
Помешать не сможет хворь
Делу правильного свойства –
Чуять в небе нежность зорь,
Помешать святому чувству –
Вызволять запасы слов
Для служения искусству,
Вспоминая сны основ?

РУЧЕЙ НОЧЬЮ

Сквозь туманную дымку мороза
Пробивается утренний свет,
И мышление становится строже,
Откровеннее скрытый ответ
На вопрос, зародившийся в тайне
Безнадзорных и тихих ночей,
На вопрос моего мироздания –
Для чего пробудился ручей.
И в его бесконечном журчанье,
В ощущенье его чистоты
Наполняю ночное молчанье
Ожиданьем дневной красоты.

ХРАМ ОГНЯ

Колокольца звук беспечный
Потревожил сон полей,
И поднялся ветер встречный –
Сразу стало веселей,
Чтоб, забыв о грусти светлой,
Редкий гость в краю степном,
Путь начавший на рассвете,
До звезды увидел дом.
Чтоб затепленные окна
И нарядное крыльцо
Сотворили праздник скромный,
Озарив теплом лицо,
Чтоб забылся звук набатный
(Он тревогам всем – родня)
И прокрался свет закатный
В храм домашнего огня.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Редкую удачу
Жду я впереди:
К полночи в придачу
Прилетят дожди.

В шелесте, не в звоне
Тянутся часы:
На небесном своде
Помыслы – чисты.

Никакой обиды,
Злости – никакой,
Искренние виды
На ночной покой.

Поздняя причуда,
Сказочная быль:
Праздник ниоткуда –
Дождевая пыль.

СВИРЕЛЬ

Прояснились дали,
И чистые трели
Легко прозвучали
По воле свирели.
Внимаю тем звукам,
Их смысл постигаю,
И легче к разлукам
Своим привыкаю.
Пока пролетают
Безжалостно годы,
А сердце смягчают
Лишь звуки природы.

Свободой питая,
Не чувствуя стужу,
Музыка святая
Врачует мне душу.

В ГРАНИ ЧУВСТВ

Как бы, чем бы, или с кем бы
Ни делился где-то я –
Веточкой ли нежной вербы,
Радостью ли бытия, –
Не имея тёмных мыслей,
Я на сердце камень не держу:
Дней моих обугленные числа
В грани чувств перевожу.

УТРО

*От тюрьмы и от сумы –
Не зарекайся.
Народная мудрость*

Отрешаюсь от снов
В это хмурое утро,
Совместившее мудро
Укрепленье основ
Предраассветного бденья
И изгнания мглы,
Не страшась отреченья
От сумы и тюрьмы.

ПАРУС ДОЖДЯ

Ночь. Костёр. Туман. Затишье.
Чувство тёплое изгнания.
Оказалось вновь не лишним
Просветление сознания.

Догорит костёр, как прежде,
Как в минуты просветленья.
Я запомню свет надежды,
Слыша запах вдохновенья.

АПРЕЛЬСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

ВЕСЕННИЙ СНЕГОПАД

Спокойный и бесшумный –
Весенний снегопад.
В кружении бездумном
Не ведает преград.
Бессмысленно круженье –
Ушла зимы пора,
Но снег ведёт сраженье
От ночи до утра.
Он возвращает в детство,
Где правит суета:
Бессмысленное действие,
А смотришь – красота.

НЕ ОТВЕРГНУТЬ ДАР

Плохо понимаю злые шутки
В первые часы весенней мглы.
Я не сплю уже вторые сутки,
Мне теперь совсем не до игры.
Мне бы только справиться с удачей,
Потому что лезут напролом –
Первая строка, и две в придачу
В мой, открытый ветру, дом.
Мне б успеть в ночное это время
Остро заточить карандаши,
Записать вступление в поэму
О бессонных вольностях души.
Мне б суметь нашёптанные строки
Занести в надёжную тетрадь,
Чтоб потом придирчиво и строго
Прочитать, подправить, отобрать.
Не спугнуть случайное везенье –
Среди шума, шуток и гульбы
Сотворить своё стихотворенье,
Не отвергнуть дар судьбы.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

И время пришло. И закончился март –
Капризный, холодный, но – светлый.
Ещё не развился весенний азарт,
Но – вот он, апрель. И это – заметно.
Прояснились дали, и стали видней
Нагие деревья неблизкой округи,
И ветры проснулись, и дуют сильнеей,
Тепло ожидают с прогретого юга.
Метели пропали, ушли миражи,
И время пришло в час его осознания.
Мы скоро сумеем узреть виражи
Стрижей, одолевших свои расстоянья...
Пора откровений, пора перемен,
И шустрых ручьёв молодые проделки,
И можно избыть униженье измен,
Дождавшись апреля, открыть посиделки.

Хорошо бы звук набатный
(Колокольцам он – родня)
Не смутил покой закатный
И не сбил с пути коня.
Хорошо бы голос зычный
Не нарушил сон полей,
Насаждая страх привычный
Перед натиском страстей.
Хорошо б звучал почаще
Колокольца нежный звук,
Пробуждая поле, чащу,
Умягчая смысл разлук.
Потому как в мире светлом
Жизнь моя спешит к концу...
В осознание жёстком этом
Быть жестоким – не к лицу.

НАСЛЕДСТВО

Позднее наследство –
Ранняя капель
Возвращает в детство –
К зрелости, теперь.
Ясная примета
В окончанье дня:
Трудно до рассвета
Выжить без огня.
Следуя веленью:
Знай, огонь, гори! –
Я кладу поленья
В печку до зари.
В огненном владенье –
Пламени пора:
Яркие виденья,
Вымысла игра.
Времени смещенье
Властвует теперь –
Нет предощущенья
Будущих потерь.
Поздние приливы,
Время – не избыть...
Никогда счастливым
И не нужно быть.

ОТКРОВЕНЬЯ ЭПОХИ

И открылось новое дыхание:
Воздуха вдыхаемый объём
Ощутить позволил колыханье
Запахов, пронзивших окоём.
Сердца учащённое биенье
И волненья скрытные следы
Помогают ткать стихотворенье
Под приглядом утренней звезды,
Чтоб ночной эпохи откровенья
Жизнь продлить сумели до утра...
Чтобы эти вспомнились мгновенья,
Если память выметут ветра...

МАГИЯ МАЯ

ВЕЧНОЕ ВРЕМЯ

Не веду прожитому отсчёт –
Вдохновения длится страда.
Моё время бесшумно течёт,
Неизвестно – зачем и куда.

То, что прожил, я прожил не зря.
И заката – светла полоса,
И созвездья привычно горят,
И на листьях сверкает роса.

Не могу сосчитать, сколько звёзд
Приютила на листьях вода...
Только вечное время течёт,
Точно зная – зачем и куда.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Пытался рассказывать прозой,
Но, всё же, нельзя без стихов:
Упрятано зеркало озера
В окружье крутых берегов.
Живёт оно жизнью спокойною,
Приемлет насилье оков –
Сосны отражение хвойное,
И холод своих родников.
Следит, как изменчивым образом
Плывёт отраженье небес
С большим или маленьким облаком,
Порою бывает, и – без.
Округа общается шёпотом
Поэтому, видно, – не зря,
Сюда прихожу я за опытом
Едва подоспеет заря.

НОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Ночь окутала тихую заводь,
Лес сомкнулся, и стало темней,
И заката последняя память
Опрокинулась в море теней.
И в такие минуты затишья
Обращаюсь я полностью в слух,
Понимая – колония птичья
Будет чистить и клювы, и пух.
И в такие минуты восторга
Сумрак чувств изгоняю, спеша,
Чтобы праздник ночной не отторгла
Воспарившая к небу душа.
Пусть забудет, хотя б на мгновенья,
Прозу суетных дел бытия,
Чтобы так разрешились сомненья –
Не закончилась повесть моя.

ШЁПОТ

Э. Балашовеу

Шёпот, упрятанный в шуме
Тёплого майского дня,
Снова меня надоумил
Праздник устроить огня.
Только закат растворится
В рясе ночных облаков,
Пламени яркая птица
Вырвется вновь из оков...

В небо вспорхнувшие искры,
Таинство тьмы осветив,
Время подарят для мысли,
Той, чей полночный мотив
Помнит о шёпоте в шуме
Тёплого майского дня,
Где меня бог надоумил
Жить по закону огня.

ДАР

Андрею Толоконникову

Весенний дух, и юные ветра,
И старый друг – исполнены добра.
И птичий свист, и голос тишины,
И первый лист – не ведают вины...
На перевале лет, не помня о себе,
Даруют тёплый свет моей судьбе.

ВЫЗВОЛЯЯ ПОКОЙ

Я пониманья не прошу,
Но – чуточку вниманья,
Пока слова произношу
Короткого признанья.

Я ночь за таинство люблю,
За смутные виденья,
И знаки скрытные ловлю
Ночного провиденья.

Готова будущий рассвет,
Я слышу тень звучанья.
С ней небеса уведят свет
В хранилище молчанья.

И вызволяют весь покой,
Сокрытый тем движеньем,
И затихают над строкой
С её воображеньем.

ЗАКАТ

Луна взошла,
легли неслышно тени,
а воздух терпким
запахом пропах
от скопища бесхозного растений
в заброшенных садах.
И тишина,
и нежный этот запах
мне сладко душу веселят –
от солнца, убежавшего
на запад,
лучи летят, летят, летят...

МАГИЯ МАЯ

Вот и магия мая,
Чистый свет и тепло.
Их легко понимая,
Верю: мне – повезло.

Повезло, коли дожил,
Пережив сто грехов,
До поры, когда строже
Слышу голос стихов.

А явление мая
Мне запомнятся тем,
Что, устои смывая,
Выпал дождь перемен.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

А заката меркли краски,
Зажигались свечи звёзд –
Показался путь прекрасным
Среди елей и берёз.
Снова выстроились стройно
Строки, сбросившие тьму,
И они теперь спокойно
Мне поддались одному.

Удивительные вести:
Ночь живёт, себя даря
Тем, кто сотворяет песни,
И кому нужна заря.

СМОТРИНЫ ИЮНЯ

СМЯТЕНЬЕ

Я помню чудное мгновенье...

А.С. Пушкин

Мгновения летят неумоимо,
Не уменьшая вечности запас...
И вот он наступает зримо,
Раздумий светлый час
В эпоху позднего заката,
Где дня теряются следы
И облаков полёт крылатый
Ждёт появления звезды...
А это – чудное явление,
Когда струится звёздный свет,
Дарующий душе смятенье
И вдохновения секрет.

НОЧНОЙ КОСТЁР

У костра согреваю ладони,
Грею душу – смотрю на огонь.
В нём азарт проявился погони –
Тень свою обгоняет мой конь.
Всё я помню, и вижу, и знаю:
Длится жизни моей кутерьма,
И созвездий картина сквозная
В тайники проникает ума.

НАСТРОЕНЬЕ

А Стожары даром
Сторожат в ночи
Отблески пожара
В каменной печи,
Чьё тепло – всеядно,
А смолистый дух
Действует занятно –
Улучшает слух,
Обостряет зренье,
Чтобы все могли
Чуять настроенье
Неба и земли.

СЦЕНАРИЙ НОЧИ

Исчезла тайна дня,
Но зреет тайна ночи,
когда легко поблекнут небеса,
и облака,
в пределы ночи перейдя,
меня своим сомнением упрочат.
Я буду вслушиваться
в птичьи голоса,
и снизойдёт покой, неведомо откуда.
Ночных чудес проявится краса,
Её всевласть, как причуда.
И стану я опять неотделим
От птиц неведомой породы,
От прочих неизвестных тварей,
Которые явлением своим
Помогут прочитать ночной
Сценарий.

ВЕСТЬ

Проявление чуда –
Слово – краткая весть.
Прилетев ниоткуда,
Обнаружилось здесь.
Облетело по кругу,
Заглянуло в окно –
Исцелило округу
Своей песней оно.

ИЮЛЬСКИЕ АКВАРЕЛИ

ЗОВ МОРЯ

Владимиру Черткову

Кольшется марево зноя,
Как прежде, – у кромки воды,
Где лёгкой волною сквозною
Стираются чьи-то следы.
И эти приливы-отливы,
Играя слепящим лучом,
Не ведают лёгкой наживы –
Её не сыскать нипочём.
Глаза заслоняя от света,
Полёт гордых чаек слежу,
Живу в ожиданье совета,
В минувшее вновь ухожу,
Где долго молчал в диалоге
С попутчицей юной моей,
Где я, на любимом пороге,
Услышал призывы морей...
Желанья – грешны и бездумны,
В былое спеша сквозь года,
Поверил, что жить нужно трудно –
Не нужно любить никогда!

КРЫЛАТАЯ ВОЛЯ

Тревожная память усталого дня:
Закатное пламя – страница огня,
Согревшего небо, поля и леса,
Где снам на потребу живут голоса
Разрозненной стаи неведомых птиц –
Крылатая воля не знает границ.

МЫСЛЕЙ СЕМЕНА

Я вычерпаю нежных слов осадок,
И, воспарив над спящею страной,
Глухих ночей исправлю недостаток –
Все даты жизни вспомню до одной.
Не трогая земных обид остаток,
Присвою дням грядущим имена,
И внутренний исчезнет беспорядок –
Взойдут высоких мыслей семена.

ОТВЕТ

Надежде Ступиной

Не пойду на поводу
Доброго совета,
А отправлюсь по воду
К логову рассвета.
Зачерпну ведром воды
Из бездонной теми, –
Проглочу упрёк беды,
Обуздаю время.
И пробьётся робко свет
Из высокой дали,
И отыщется ответ
На вопрос печали...

СВЕТ

Что этот свет,
обычный свет луны?
Его природа – только отраженье?
Сподвижник он в эпоху
тишины,
помощник при ночном
движенье.
Что этот свет –
привычный свет костра?
Его природа – выброс напряженья?
Тепло, чтоб думу думать
до утра,
как душу уберечь от униженья.

ПРИЧАЛ

1

Прихожу я в минуты печали
Не куда-нибудь, – только сюда,
Где безлюдно всегда на причале,
Где неслышно вздыхает вода.
И луна – она выглянет вскоре –
Отразится дорожкой в реке
И невольно, теченью покорен,
Закачается плот налегке.
Вот он тычется в берег песчаный,
Бесконечная песня воды
Все былые уносит печали
И смывает земные следы.

2

Я иду по краю света,
Но за край – не захожу.
По хорошему совету
Чистым воздухом дышу.
Вижу: в полных три объёма
Липа древняя стоит.
Со вчерашнего заката
Догорает, не горит.
Старичок сидит, не дремлет,
Трубкой пышет в небосвод...
Будто старец старцу внемлет:
Кто кого переживет...
А мальчишки у причала
Тянут лодку из воды.
Чайка громко прокричала –
Не накликала беды.

ЗДРАВСТВУЙ, АВГУСТ!

АВГУСТОВСКАЯ ГРОЗА

Похожие на шляпку вбитого гвоздя,
Упали капли летнего дождя
В густую пыль просёлочной дороги.
Сначала – редко, а потом – всё чаще,
И вот уже на поле, озеро и чащу
Дождя упали – вертикально – строки.
Приметы ослепительного зноя
Растаяли, как облачко резное,
Оставив тучам власть на полчаса.
А местных птиц разрозненная стая
Летит, те струи строк пересекая,
И празднично звучат их голоса.
А звук живительного грома,
Как дальний гром аэродрома,
Которому трудиться – есть резон...
Ты поскорее выйди на крыльцо,
И нежной влагой остуди лицо,
Пей воздуха дурманящий озон.
И пусть легко кружится голова,
Придут давно забытые слова,
Ты их искала долго – не напрасно.
И, видимо, была права звезда,
Заславшая тебя на век сюда,
Чтоб доказать, что жизнь – прекрасна!

СЕНТЯБРЬ. ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ...

ГЛУХАЯ НОЧЬ

Ночь приходит глухая.
И снова я слышу,
Как, о чём-то вздыхая,
Ветер шарит по крыше,
Ударяется в стёкла
И качает деревья,
И не ведает толком
Ни сна, ни доверья.
Ни сомнений, ни боли.
Он – страстью напитан
И гуляет по полю,
В пространстве открытом.
И, забыв о смиренье
Под сферой стоокой,
Порождает смятенье
В душе одинокой.

РАССВЕТ

Забрезжил робкий свет,
И умягчилась мгла.
И пролетевших лет
Вновь память ожила.
Её тревожный след
Позволил в тишине
Приветствовать рассвет,
Пробившийся вчерне.

Привычка многих лет –
Следить, как тает мгла,
И власть берёт рассвет,
Чтоб память ожила.

ХАРАКТЕР

После долгих трудов
Навалилась усталость,
И цепочка следов
За спиною осталась.
Ни к чему их считать –
Ни шаги, ни издержки,
Пусть растает печаль,
Но останется стержень
Своевольной души
Закалится характер
В обретённой тиши
На тропинке закатной.

ПРОЩАНИЕ ПОЛЕЙ

Когда уронит лес последний лист сухой...

А. Фет

Роняет скудный лес
последние листья.
И светлый лик небес
нисходит с высоты.
Призывный слышен крик
летающих журавлей,
и наступает миг
прощания полей
с последним тёплым днём,
без ветра и дождя.
Боль растворится в нём –
Как будто походя.
Пока же литься свет
с небес не устаёт,
не знает сна поэт
и листьям счёт ведёт.

ЗАХОЛУСТЬЕ

Заблудился в захолустье,
И на ощупь путь торю,
Вместе с собственной грустью
Жду осеннюю зарю.
Обступила плотно темень,
Поле чёрное молчит,
Уработанное теми,
Кто давно и сладко спит,
Погружённый в сновиденье,
На перинах возлежит.
Не тревожится в сомненье –
Кто же по полю кружит.
Кто, не зная захолустья,
Где луны нет и огня –
Утомлённый долгой грустью,
Бранью потчует коня?

ОКТЯБРЬСКОЕ ПОЛЕ

ПРЕДЗИМЬЕ

Солнце скрылось за ширмой домов,
Но горит часть закатного неба.
Подпалились низы облаков –
Прародителей зимнего снега.
Но до снежных ветров – далеко.
Вот и облако в виде дракона
Скоро-скоро исчезнет легко
И очистится лик небосклона.

В ЧАСЫ СТРАДЫ

Осенний день легко угас,
Ночная воцарилась мгла.
И в этот поздний час
Сама печаль пришла.
А это – праздник для меня:
Теперь-то я смогу
Увидеть сполохи огня
На дальнем берегу.
Смогу услышать голоса
Сквозь редкий плеск воды,
Которой правят небеса
В часы ночной страды.

РАННИЙ СНЕГ

Пришёл октябрь, а снега нет,
В дороге – холода.
Приходит вовремя рассвет,
И плещется вода.
Течёт река, листва плывёт,
Опавшая листва.
Но скоро-скоро встанет лёд,
Не помнящий родства.
И воцарится белый свет
На сотни вёрст кругом,
И вовремя придёт рассвет,
И мой разбудит дом.
И будет холодно, но вдруг
Почувствую тепло
Лишь оттого, что всё вокруг,
Кругом – белым-бело...

СВЕТ НОЧНОЙ

Неяркий свет ночной.
Но это – Свет!
Он не даёт сгуститься мраку.
Как будто бы даёт совет –
Не поддавайся страху.
Быть в этом мире одному –
Высокое блаженство:
Живой простор – уму,
Забывшему уроки детства.
Незамутнённость бытия,
Недолгий час отдохновенья,
Пристанище для вдохновенья,
С которым – выжил я.

ТАЁЖНЫЙ СЕВЕР

Тайно дремлет таёжная память,
Утонули в снегах дерева.
Моё сердце, похоже, – не камень,
Чутко точные чует слова.
Этот край и весёлый, и жуткий,
Бесконечен суровый простор,
Здесь, воспитанный на прибаутках,
Лаконичен живой разговор.
И в снега опускается солнце,
А ветра длят суровый набег...

На стекле мы продышим оконце,
И устраивать будем ночлег.
Раскалится чугунная печка,
И твои загорятся глаза,
Отразят они блики от свечки,
Осветившей в ночи образа.

СНЕГ ПОД ФОНАРЁМ

В логове света –
Сверкающий снег:
Бабочки с лета
Длят свой набег.

О солнце мечтают,
Рождаясь во мгле,
В небе витают,
Никнут к земле...

Жёсткие были,
Сплошные снега...
Тело России
Длится века.

НОЧЬ СОМНЕНИЯ

Время ночное.
Минуты былого сомненья.
В чёрной печи
Догорают большие поленья.
Ярко поленья
Сгорают, тепло отдавая печи,
Вновь подбираю
К загадкам былого ключи.
В пламени жарком
Рождаются – ярко– виденья,
Зримо мешают
Развеять былые сомненья.
Угли порою
Короткою вспышкой яркой
Лик вызывают,
Мерцающий в памяти жаркой
Ночи порочной,
Себя потерявшей в объятьях.
Время такое,
Себя вспоминают проклятья...
Время ночное
Уходит, и тают сомненья.
В чёрной печи
Догорают сухие поленья.

В чёрном проёме,
За чёткой границей оконной,
Теплится свет,
Выползая из чаши бездонной.

МЫСЛЬ ХРАНЮ

Пусть часы отсчитывают строго
Время, – то, что длится наяву.
Я пока не подвожу итогов,
Ночь – жива, я вместе с ней живу.

Это благо, выданное небом,
До конца использую, вполне.
И куда б ни шёл, и где б я не был,
Мысль храню, живущую во мне.

Дело правлю, заданное мыслью,
(Глубже мысль, и протяжённой нить),
И пока она не смята высью, –
Ночь – жива. И дню придётся жить.

ВООЧЬЮ

Стол, две табуретки,
Тонкое стило.
Стук морозной ветки
О моё стекло.
Лёгкий треск поленьев
В огненной печи.
В близком отдаленье
Перепел кричит.
Сеет снег на крыши
В избранной глуши...
Шебаршатся мыши
В подполе, в тиши.
Это всё – воочью,
А не в зыбком сне...

Звуки долгой ночи
Греют сердце мне.

СОБОРНЫЙ НОЯБРЬ

ПРЕДЧУВСТВИЕ СЛОВА

Вадиму Рахманову

Предзимние плотные ливни
Поспешно и шумно упали.
И ветры ночные утихли,
Минуты затишья настали.
Отжившие пёстрые листья
Легли на остывшую землю.
Спокойно, и тихо, и чисто –
Я голосу дальнему внемлю.
Нечётко, но всё-таки слышу,
Что снега уже на подлёте,
А это глухое затишье –
Прелюдия к новой работе.
И славно, что снова и снова
Грядущее можно проведать –
Есть вечное право у слова
Безгрешного снега отведать.

ОРНАМЕНТ

Строгий орнамент осеннего леса
Не привлекает к себе интереса...
Голые ветви, корявые сучья,
Мокнут лохмотья мишени паучьей.
Сон захолустья, припасы молчанья,
Елей высоких немое качанье.
Скудные краски, закат, как подачка,
Звери пропали – вселенская спячка.
Осень как данность земной круговерти...
Это ль не признаки временной смерти?

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЗИМЫ

Первая позёмка на неделе –
Пробная метель,
Долгой зимней канители
Стелется постель.
Снег – на поле, на деревьях,
Все в снегу – стога.
Как начало обновленья,
На душе – снега.

ОБРЕТЕНИЕ ТЕПЛА

Снег на влажную землю упал
И остался лежать до весны.
Хорошо, если б он удержал,
Не теряя, запас белизны.
Ореол фонаря сквозь стекло,
Побелённое стужей земной...
Здесь душа собирает тепло,
Как подсолнух – свой зной.

СТРУНЫ СНЕГОПАДА

Позёмка гуляет по полю
Походкою лёгкой и странной,
И хрупкой крупчаткою соли
Ложится на старые раны
Души заплутавшей моей,
Уставшей от розни и распрей.

В мерцании дальних огней
Мне видится созданный наспех
Пейзаж из увиденных снов,
Где я, ещё глупый и юный,
Мелодию слышу снегов,
Летящие трогаю струны.

ДОБРОТНЫЙ ДЕКАБРЬ

ЗАГЛАВНАЯ ИГРА

До декабря от января –
Немалый срок.
В холодном свете фонаря
Ученье – впрок.
А ночь раскинула крыла,
Сгущает мрак,
Метель сугробы намела
Не просто так:
Реки укрыла берега
И скрыла лёд,
И не закончились снега
И длят полёт.
И загорается свеча,
Бросая блик,
И тёплый свет его луча
Во мрак проник...

Проникновение добра
Во глубь глуши,
И есть заглавная игра
Моей души.

СТРОКИ СЕРДЦА

Время – выдержать паузу
После долгих трудов,
Спрятать снова за пазуху
Все наброски стихов,
И помочь своей памяти
Возродить не спеша
Вдохновенно и грамотно
То, чем дышит душа.
А потом, после паузы
Столько силы скопить,
Чтоб неспешно и с разумом
Строчки сердца явить.

ОБРЕТЕНИЕ СВОБОДЫ

Ни почёта, ни славы
Мне не нужно теперь.
Я ушёл от облавы,
Здравомыслящий зверь.

Я – той вятской породы,
У которой в крови
Обретение свободы –
Не утрата любви.

ПАМЯТЬ

Напряженье натруженных будней
Проникает в само бытие.
Жизнь тяжёлою долго пребудет,–
Мы ж – безгрешные дети её.
Каждый шаг наш опасен и труден,
Но сознание своё бережём.
Эту жизнь никогда не забудем,
Потому что мы – память её.

ПЕРВАЯ ВЬЮГА ЗИМЫ

1

Вот она, первая вьюга,
Белый затмившая свет.
Вместе с циклонами с юга
Шлёт своенравный привет.

В́исит и в́исит сугробы,
Тратит немало труда,
Силы безмерные, чтобы
Землю укрыть от стыда.

В крайнем своём эпатаже
Мир изменяет легко.
Заново строит пейзажи,
Тратит снегов молоко.

Вымести хочет обиды,
Смягчает грядущий мороз...
Учит уменью предвидеть
Натиск житейских угроз.

И силы собрала,
Подкралась и завьюжила, –
Померк едва забрезживший рассвет.
Пришла впервые, а смотри-ка, сдюжила, –
Упрягала в себя весь белый свет.

И выпал повод
Не спешить, не праздновать,
Приговорить себя к привычному труду.
Яснее говоря, вновь строки складывать
У снежной круговерти на виду.

Всё это посчитать
Простым отдохновением,
Не посчитать весь этот труд за труд,
Гордится невзначай своим творением,
Которое ветра легко сметут.

ВКУС БЕДЫ

Снег идёт,
Себя не помнит,
Округляет берега.
И являются в исподнем
Сиротливые стога.
Вид меняется причала,
Все стираются следы...
Можно жизнь начать сначала,
Вновь изведать вкус беды.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

В конусе света
Просеялся снег -
Так бабочки лета
Стремятся на свет.

И - не сгорают.
Порхают во мгле,
Словно играют,
Стремятся к земле, -

Встретиться с теми -
Из прежней волны...
Позднее время,
Урок тишины.

2

Трепещет тряпица
и бьётся о ветку,
как чёрная птица,
попавшая в сетку.

И мечутся снеги
весенней метели,
терзая побег
живой иммортели*.

Ударится дверца,
Всплакнёт половица...
И падает сердце,
как сбитая птица.

*Иммортель — бессмертник.

СТОРОЖ

Свет ночной тревожней света
Солнечного дня, –
Раскрывает смысл ответа
Лунного огня.

Нить большого разговора
Бесконечно для,
Крепость пробую раствора
Звёздного дождя.

Свет ночной покоит душу
Больше, чем дневной,
И, как сторож, море, сушу –
Мир хранит земной.

СЖЕЧЬ МОСТЫ

Снег выпал ночью. В декабре,
В положенные сроки.
Стоят деревья в серебре,
Легко рождаются строки.
И первозданную зимой –
Немыслимые прежде –
Творятся странности со мной –
Я вновь живу надеждой.
И помыслы мои чисты,
Вновь бескорыстен путь,
Лишь нужно сжечь мосты,
Чтоб прошлое вернуть.

ТАЙНА ВЕРЛИБРА

ТЕПЛИТСЯ ЖИЗНЬ

Эта ночь позабудет себя
В бесконечном потоке ночей.
Слишком прост её дождь,
И неярки огни, и
бесхитростен
Ветер.
Эта брэнная ночь
не оставит следа
в календарном
потоке событий:
нет событий и – памяти нет.
Только мерность минут,
только странный покой,
снизошедший с небес,
растревожил вновь душу.
Только тихая ночь,
этот дождь – бесконечный и тихий.
Фонари.
Ровный свет.
Тишина...
И не знает никто,
что на завтра
намечено утро
с приметамн новой тревоги.
Сон – витает,
ещё теплится жизнь...

ПАМЯТЬ. ГОСПИТАЛЬ

Нет памяти.
И – нет воспоминаний.
Их нужно заново создать,
призвав ночное вдохновенье.
Но вдохновенья – нет.
Есть шорохи ночные –
в подробностях любых.
Нет сна.
Придумываю сказки
для будущего внука.
Пишу письмо
Прекрасной незнакомке,
Пишу любимой,
неведомой пока.
Пока ещё живу...
Ах, память...
Снова эта память.
Слова я помню,
Незнакомку помню,
Любимую – забыл.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Не говоря: О времена, о нравы!,
Тебя своим причудам научу –
Гулять по каменному краю,
Взлетать по лунному лучу.

Сомнеия одолевая ночи,
Где тайна гор – во власти тишины,
Мы чувство новое упрóчим,
И растворится тень вины.

Одолевая страхи восхожденья –
От берега до звёздного окна,
Потребуем у неба снисхожденья –
Пускай не гаснут звёзды и луна,

Пусть светом полнится нагорье,
Вершины нарождаются из мглы –
Чтоб мы, стремлениям покорны,
Их покорить с тобой смогли.

НЕУСТРОЕННОСТЬ

Я от любимой медленно иду.
Мороз зеркальной сделал мостовую,
и шлейф недремлющей поземки
окутывает ноги.
Весь мир – затих,
Он тоже – неустроен.
Но – задремал,
Припав к холодной простыне земли.
Ни шороха.
Ни звука.
Ни дыханья.
Лишь очень, очень высоко
незримой нитью связаны созвездья
и, кажется, пытаются поймать
луну в серебряную сеть.
А на земле хозяйничает ночь,
И желтоглазый светофор
мигает.
Как будто хочет что-то рассказать,
А рассказать он –
Ничего не может.

1968

СОН-ВОСПОМИНАНИЕ

Прошу: Не уходи,
Шепчу: Не покидай!
Горит огонь в груди,
Испить водицы дай, –
Я друга схоронил,
И рана – глубока,
А ноги – тяжелы,
А речка – далека.
И добрести сюда – едва
Хватило сил...
Но слышатся слова:
«Напрасно ты спешил.
Родник – недалеко,
К нему трава – мягка,
Дойти туда легко,
Хоть жажда велика».
И с криком: Холодно в груди,
Забвению предай!
Но – вновь: Не уходи.
Но – вновь: Не покидай!

«Любимый, что с тобой? –
Опять кричишь во сне...»
Иззябнувший прибор
Глотает первый снег.

1970-1980

НЕЗАДА́ЧА

Вот отгрущу и все переиначу,
Боль от любимой утаю.
Моя большая незадача, –
Я думать о тебе перестаю.

Наш дом уютен и ухожен.
Я приходить сюда не устаю.
Откуда это внутреннее, с дрожью:
– Я думать о тебе перестаю?

Я прошлое оцениваю строже.
Но, стоя у печали на краю,
И память о тебе не потревожив, –
Я думать о тебе перестаю.

1965

КОНЕЦ ЗИМЫ

Последняя стужа зимы
Пришла в календарные сроки –
Впывалку ложатся дымы,
И вечер приходит жестокий.

Но скоро нагрянут ветра
Из царства прогретого юга,
Начнётся иная игра,
И мы отогреем друг друга...

И память свою сохранив,
Когда нам представится случай,
Припомним морозный мотив,
Его непременно озвучим
За то, что помог сохранить
Он нежности скрытой запасы, –
И жизни продолжится нить,
Забудет метелей гримасы.

СВЕТ ЗАБРЕЗЖИЛ

Сколько медленной воды
Утекло бесследно,
Чтоб засохшие сады
Расцвели победно?
Не берусь я сосчитать,
Не моя задача.
Только начал постигать,–
Выпала удача:
Ведь молчанье длилось год.
Отмели метели.
И слова пришли, и вот –
Свет забрезжил еле.

1970

ВРЕМЯ

Я времени чую свободу.
Живёт оно вместе со мной,
Свою не меняет природу,
По воле летит неземной.
Усилья его не напрасны –
Они отнимают покой...
Любые минуты – опасны,
Покуда не стали строкой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТИХАМ

*Поэзия – дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.*

Варлам Шаламов

Избыв этап отчаяния
И гнёт иных грехов,
Вернулся в мир звучания
Неведомых стихов.
Порог преодоления
Неверья и стыда
Осилил в час прозрения
Без внешнего труда.
Да здравствует терпение,
Привет ночным снегам,
Друзьям – благодарение,
Земной поклон – богам!

1965

НЕ ПОДДАТЬСЯ ПРИВЫЧКЕ

Боюсь я предаться постылой привычке –
В машине, в подъезде, случившемся где-то,
Иль в поезде скором, в ночной электричке,
Стремительно рвущейся в южное лето, –
Неважно – когда и в какой обстановке,
На полуминутной любой остановке, –
Все в горле смешав перевозданные звуки,
О встрече – писать, и писать – о разлуке;
Писать, вспоминая холодное лето,
Закуривать, спичку ломая за спичкой,
И снова страшась, что желание это
Назойливой станет привычкой.

ЗНОЙНЫЙ ЗАКАТ

Памяти Валерия Шайшина

Колышется зарево зноя
И можно увидеть вдали,
Как облако тает резное,
Качая дома-корабли.
Размыта и мысль горизонта,
Но всё ж горизонт удержал
Пейзажа привычного контур
На месте, где сам возлежал.
А в знойном воздушном потоке
На празднике ярком, цветном
Рисует себя на востоке
Закат, похваляясь крылом.
Но в этом мучительном свете
Неловкость какая-то есть –
Надменность ли знойного лета,
Горячего воздуха спесь?
Какая-то есть несуразность
В чрезмерной атаке жары...
Возможно, – бесцельная праздность,
Безумная жажда игры.

КРЕСТ СУДЬБЫ

Ненадежный покой обретаю ночами.
Закрываю глаза и – лечу на волне.
Я хочу, чтобы море меня укачало
И качать продолжало во сне.
И неважно – когда за окном отзвучали
И растаяли песни с мольбой и гульбой...
Хорошо бы с рассвета они не мешали
Крест нести, освященный судьбой.

ДУХ ВОСКРЕШЕНЬЯ

...А дух воскрешенья витал,
Пока вспоминалось волнение,
Которое я испытал,
Впервые вступив во владенье
Томительной точности слов
И тайной печали подтекста.
Пока отрешался от снов
Нелегкого праздника детства,
Когда ощутил, что не зря
Живу, коль могу подивиться
Привычке, с которой заря
От ночи спешит отделиться.

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА О ЛЮБВИ.
(СОН)

Я в сон через порог шагнул,
И тут же сон вошёл в меня.
Я очутился в обжитом углу,
Откуда шалости видны огня.
И я увидел, что огонь был смел
В простой некрашеной печи.
И стало жарко, а в ночи
Остался путь, где нехотя горел
Фонарь. И свет от фонаря
Был слаб, им разбавлялся мрак,
Ночам известный ноября...

А за окном метался лай собак,
Огонь горел. И раскалялась печь.
Хозяйка тихо позвала к столу –
С украинским акцентом её речь
Услышал ясно я в своём углу.
Вдруг юноша – весь – копия меня
(Таким я в молодости был),
Возник из праздника огня,
Присел к столу и чай разлил.
Поплыл неторопливый разговор,
Взаимная симпатия росла...

Возник и пустяковый спор,
А мысль неслышно подошла –
Была хозяйка ликом хороша.
Взор глаз приветлив был и чист,
При смехе – празднично-лучист --
Так радуется детская душа.
Вдруг оборвалась разговора нить,
Упала тень печали на лицо,
Как будто солнце, осветив крыльцо,
Ушло и передумало светить:

– Я замужем была. Все пять недель.
Счастливо бы забылась канитель
Без лишних ненавистных укоризн,
Но вскоре я, очнувшись, поняла,
Что зачала невидимую жизнь.
А это было счастьем для меня:
В девичестве я холила мечту –
Иметь дитя от солнца, от огня,
От юноши, постигшем высоту,
Не ощутившим нежности предел.

Но, опоённая дурманом трав,
Мелодией, которую он пел,
Пришелец из чужих дубрав –
Я позабыла помнить о себе,
И, глупая, доверилась судьбе,

И испытала грубости урок –
Он был мучительно жесток.
Дитя, зачатое без помощи небес,
Не принял мир земных чудес.
И, все земные помыслы круша,
В полёт отправилась его душа...

Огонь смирился. Разговор умолк.
А время – шло. Оно-то знало толк
В таких делах, где счастья ждут.
А счастье рядом, близко, здесь,
Возможно, через несколько минут
Для них очнётся эта весть –
Откроются объятия в ночи...

Я незаметно вышел за порог,
Оставив у дверей свои ключи,
И на развилку трёх дорог
Пошёл, отвергнув путь назад,
Запомнив задремавший сад,
С которым хорошо стареть,
Не торопясь при этом умереть.

1-2 февраля 2008

ЮНОСТЬ

Я – чужой
в этом маленьком городе,
где бывать приходилось –
едва ль,
и себя, заплутавшего,
гордого,
пусть немного, но всё-таки –
жаль.
Что я делаю здесь,
безразличьем измученный?
Здесь в чужих переулках –
чужие дома,
а на крохотной площади –
памятник-чучело
притулился и сходит
неслышно с ума.
А на рынке с утра –
суета.
Многолюдно.
Здесь поставлены криво
из досок ряды.
А на них – соблазнительно,
Чудно – разносолы,
но чаще –

живые плоды.
В этой местности
малознакомой,
урожай созревает
в положенный срок,
и несут на продажу
из каждого дома
всё, что каждый
задумывал впрок.

Здесь девчонка босая,
фигуркою – с зяблика,
посмотрев на пустую
котомку мою,
протянула с улыбкой
мне красное яблоко,
и теперь я его
торопливо жую.
И спешу по дороге,
где яркими гроздьями
похваляется строй
придорожных рябин.
Я спешу, мне успеть бы
до скорого поезда,
а в глазах от веснушек
девчонки – рябит.

1999

БЕЗДЕЛЬНИК

Наконец-то забрезжило утро,
Понемногу рассеялась мгла.
Первый луч, появившийся мудро,
Отразили легко зеркала
Чёрных окон высотного дома.
Но в дремоте его этажи –
Продолжается время истомы.
Только птицы творят виражи,
Только я, непутёвый бездельник,
Отрешённый от таинства сна,
Раньше всех узнаю понедельник –
Мне такая возможность дана.
Мне дано это ценное право –
Быть живым и беречь каждый час,
Не заботясь о будущей славе,
Размышлений транжиря запас.

ВМЕСТО ЗАКЛИНАНИЯ

Стремительно летит наискосок
Ущербный снег ночной на стены.
А кровь стучит, стучит в висок,
Вся – ожиданье перемен.
Вся – в ожиданье,
Вся – завет:
Пусть в смене
Льда и пламени
Не смолкнет сердце!
Не уснет дыхание,
И нежности звезда
Вперед –
На много лет –
Прольет спасенья
Чистый свет.

ДУША – ЧИСТА

Замешана

на памяти и чести –

Пред вечностью – душа моя –
чиста.

Небес теперь улавливаю вести,
И строю жизнь свою – с листа,
Наполненного снежной белизной.

А это – важно и... тревожно.
И ошибиться – невозможно:
Так скоротечен срок земной.

МЕЧТА

Леониду Сергееву

Испрошу у тишины совета,
Заберу у прошлого права –
Напишу рассказ, где до рассвета
Ночь шептала верные слова.
И душа, преодолев сомненья,
Отрешится от неясных снов,
Соберёт крупицы вдохновенья
И освободится от оков
Суеты, обмана, мельтешенья
Неурядиц, праздников, – всего,
Что мешает таинству общенья
Сил – небесных, сердца – моего.

ВОЛЯ НЕБЕС

Юрию Кукову

Как будто тумана завеса
Теплом напитала весну –
Очнулись все запахи леса,
Собой укрепив тишину.
И горечь от лопнувших почек
Я смог ощутить наяву,
Пока собиралась из строчек
Строфа, восхваляя листву...
Атака зелёного шквала
Предельно была хороша –
Все краски бывшего смешала,
И вновь народилась душа.
Так чистая мысль обновленья
Пронзила и душу, и лес
Согласно поре возрожденья,
Даруемой волей небес.

ФЕОДОСИЯ

Промежуток южных суток –
Ночь. Пока ещё – темно.
С недобором добрых шуток
Длится местное кино.
Никого на волнорезе –
Море смирно возлежит,
На столбе, как на протезе,
Репродуктор дребезжит.
А курортники – по пляжу –
Разобщённою гурьбой,
Разговор сумбурный вяжут,
Каждый – собственной судьбой.
Я – один, но ты – со мною.
Вижу, вглядываясь в даль,
Где медлительной волною
Смыло зимнюю печаль.
В небе облачко резное,
А над ним – неярко – свет,
Как лоскут тепла от зноя,
Из минувшего привет:
Что желаем – приключится,
Если в помощь – гладь и тишь...
Налетели шумно птицы,
Я молчу, и ты – молчишь.

МУЗЫКА ВЕТРА

Снова слышится музыка ветра –
Пролетает метель надо мной,
Вносит хаос в размеренность порта
И срывает суда с якорей.
И влечёт их в открытое море,
Не жалует уставших людей.
Превышая разумные меры,
Совершает вселенский разбой.
Я – живой, неумелый помощник,
К созерцанию приучен в тиши,
Там, где ночь – необузданный хищник –
Поглощает мои миражи...
Тихо льётся мелодия ночи,
Нежно кружит снежинок поток,
Позабыв, что придуманный вечер,
Проявившись, исчезнет навек.

УМИРАТЬ – НЕЛЬЗЯ

А этот день, как день земного рая:
Ни туч, ни облаков, ни ветерка.
И буйство света, тени простирая,
Ладонь ласкает каждого листка.
Потоки, переполненные зноем,
Возносят жаворонка к небесам.
А песнь его – явление неземное,
Созвучно приземлённым голосам
Пока жнивье от скошенных хлебов
Ещё живёт закончившейся жатвой.
И снова травы в обществе цветов
Сознание легко дурманят. Жарко!
А ток воды почти неразличим,
Слепит глаза неукротимым светом
И никаких нет видимых причин
Быть недовольным белым светом.
И вечер вновь на утренник похож:
Всё тот же зной и те же краски лета,
Пронзает облака заката нож,
Чтоб не мешались в час рассвета...
Последний луч, меж облаков скользя,
Верхушки сосен нежно освещает.
Вдруг понимаешь: умирать – нельзя!
И дальний гром об этом же вещает.

БАБОЧКА ЗИМОЙ

Из тени в свет перелетая...

Арс. Тарковский

Ни возражений, ни обиды
В душе бессонной не таю –
Мне бабочка дневного вида
Привиделась в ночном краю.

Из тени в свет перелетая,
В огонь ночного фонаря,
Она тепло живое мая
Внесла в прохладу декабря.

Она, своей красы не зная,
Летит, бесстрашная, туда,
Где тает изморозь резная,
Опутав лес и провода.

Метанья бабочки похожи
На путь поэта ли, певца,–
Сомненья их порою гложут,
Им тень мешает мудреца.

Но время выберет все сроки,
Как наивысший смысл игры,

Волшебные рождаются строки,
Таившиеся до поры,..

О, бабочка моя святая!
Тебя прекрасней в мире – нет.
Из тени в свет перелетая,
Собой являешь чистый свет.

А свет всегда граничит с тенью,
Но красота – заложница того,
Начнётся ль вовремя цветенье –
Всего живого естество.

СВЕТ

Тропинка в лесу проступает едва.
Листва неразборчиво шепчет слова,
Здесь жизнью исконной издревле живёт глухомань.
И силой природной себя воссоздав,
Господствует море целебное трав –
И сердце врачует, и нежит сухую гортань.

Высокое небо, очнувшись от сна,
Дарует тепло – от светла до темна,
Роняя на землю от облака лёгкую тень.
А крест, хоть тяжёл, я обязан нести,
Коль взялся из строчек поэму сплести,–
Как ладят корзину и ставят умело плетень.

И путь мой к закату стремится уже,
А труд – не заметен, – вершится в душе.
И, вроде бы, толку в нём мало – ни хлеб, ни зерно.
Но строки рождаются, и, значит, есть прок:
Кому-то – надежда, кому-то – в урок,
Но, главное, всё-таки – свет, если в мире темно...

А время спешит и летит в никуда,
Пусть тихо струится живая вода,–

Дай, Бог,— никогда не иссякнет священный родник.
Пусть также спокойно живёт глухомань,
И чистые звуки являет гортань,
Пока не исчез я, и где-нибудь вновь не возник.

ТЕНЬ

Кого любил, я вновь не полюблю,
И снова горечью наполнен.
Один пред вечностью стою,
Живу лишь тем, что помню.
И, памяти листая календарь,
Назад легко отсчитывая даты,
Я зажигаю времени фонарь
И вижу всё, чем жил когда-то.
И с высоты сегодняшнего дня,
Минувшее оценивая строго,
Я вижу, что для прежнего меня
Подругой верною была дорога,
Отдохновеньем – радуга и дождь,
Попутчиком – свободный ветер.
А горечью – рябины летней горсть,
И сладостью – морошка на рассвете.

Там были и товарищи, друзья,
От них остались тени в поле.
И к жизни их вернуть нельзя –
Ни заклинаньем, ни возвратом боли...
Была мечта, как церковь на крови,
Чей дух – высок, а красота – сурова,
Мечта о той единственной любви,

Когда молчание – понятней слова.
Но не сбылось. И говорю: люблю,
Самой любви возвышенной не зная...
Один я перед вечностью стою,
И беззащитна тень моя земная.

НОЧЬ – НЕВИННА

*Приветствую тебя, пустынный
уголок...*

А.С. Пушкин

Приветствую тебя, моё уединенье,
Когда впадает ночь в оцепененье,
Рассыпав звёзд сухие семена,
Минувших дней не помнит имена.
Но чудится – восток уже светлеет,
И перелётный ветер матерееет,
А кроны сада близкого – видны,
Где скрыты призраки моей вины.

МНЕ ПРОПИСАЛИ СЧАСТЬЕ

*(Литературная газета
от 10 сентября 2014 года)*

ЖАЖДА

Охолони, остерегись до срока.
Пускай молчат до времени уста,
Когда приспела жгучая морока –
Испить росы с кленового листа,
Испить воды из речки, из колодца,
Водицы дождевой из колеи.
Любую влагу вычерпай до донца,
Но – непременно – жажду утоли.
Так успокой горячее дыхание,
Чтоб зноем затемнённое сознание
Случайно не посмело осквернить
Святое дело – правду говорить.

СВЯЗЬ С ВЕКОМ

В час ночной снегопада
Скрыта кромка воды.
Поберечься бы надо
На краю у беды.

Поберечься б неплохо,
Чтоб живой сохранить
С одуревшей эпохой
Всепрощения нить.

НИСПОСЛАННЫЙ СВЕТ

1

Свет звезды нескончаемо тонок,
Пронизает безмолвную высь.
На земле с еле слышимым стоном
Нарождается новая мысль.
Ей немедленный отклик не нужен
И не нужен земной ей совет...
Если с небом сознание дружит,
Принимает ниспосланный свет.

2

Одержим ветер мыслью простою –
Разгулялся, – шумят деревья,
Забавляется юной листвою,
Её шелест вживляет в слова.
И становится сердцу понятней,
Почему свет небесной игры,
Соскользнувший с палитры закатной,
Золотится в прогалинах мглы.

ТРЕВОГА

В чистом поле снег клубится.
Дует ветер низовой,
Заполошно всадник мчится
С непокрытой головой.
Преисполненный тревоги,
За спиной оставив кров,
Он, не ведая дороги,
Снеговой крошит покров.
И – нахлёстывает плётка,
Оставляя след огня
На боках упругих, потных
Белогривого коня.
Видно, чёрная кручина
Посетила чей-то дом.
Вот и веская причина –
Устремиться в ночь верхом...
Скрылся всадник оголтелый,
Пролетел и... позабыт,
Только след остался белый
От стремительных копыт.

.....
Ночь простёрлась от порога
Вдаль – по улочкам пустым.
Не рассеялась тревога,
Растворился снежный дым.

НАЧАЛО

Евгению Юшину

День, угасая,
Видит: строга,
Муза босая
Уходит в луга.

Смятые травы
От самых корней –
След от потравы
Вольных коней.

Тайные гнёзда,
И птиц голоса.
Первые звёзды,
Луны полоса.

Сладкою болью
Свободно дыша,
Кланяюсь полю –
Родилась душа.

БЕЗ ПОМЕХ

Поредела листва у рябины,
И как будто бы стали красней
Загустелые капли-рубины
Полновесно созревших кистей.
Эти краски рябинной породы
Не мешают увидеть вдали,
Как неспешно плывут пароходы,
Удаляясь за кромку земли.

ЛЕТО-ОСЕНЬ

Показалось, быть не может
Возвращения былого.
Оттого так сердце гложет
От несказанного слова?
Лето быстро пролетело,
Память стойко сберегла
То, что хищно не успела
Поглотить ночная мгла:
Летней ночи облик нежный
И свечи дрожащий свет,
Сотворивший праздник грешный,
В нём заложенный секрет –
До сих пор мой дом в тревоге...
Осень, дóлгое темнó,
Поступает память строго –
Смотрит пристально в окно.

2009

МУЗЫКА ВЕТРА

Снова слышится музыка ветра –
Пролетает метель надо мной,
Вносит хаос в размеренность порта
И срывает суда с якорей.
И влечёт их в открытое море,
Не жалеет уставших людей.
Превышая разумные меры,
Совершает вселенский разбой.
Я – живой, неумелый помощник,
К созерцанию приучен в тиши,
Там, где ночь – необузданный хищник –
Поглощает мои миражи...
Тихо льётся мелодия ночи,
Нежно кружит снежинок поток,
Позабыв, что придуманный вечер,
Проявившись, исчезнет навек.

Лирика Леонида Чекалкина

Приобщение

Наше знакомство с Леонидом Ивановичем было случайным. Я уловил огромное обаяние, исходящее от спокойного, доброжелательного лица. На прощанье Леонид Иванович подарил мне свой сборник стихов «Осенняя пристань». И первое, что меня удивило по прочтении этой книги, – чистота лирики, которую я не встречал давно. Представлялась удивительной сохраненная юношеская свежесть стихов, их естественность, будто они вырвались одним дыханием без поздних возвращений, редакций, правок. И все это в моем восприятии никак не вязалось с возрастом Леонида Ивановича. Мне казалось, что в такие почтенные годы так уже не пишут, а тут – чистейшая лирика, первозданная, чистая, как первый снег! (Позже я узнаю, что вот это же ощущение несоответствия внешнего облика поэта внутреннему содержанию его стихов еще ранее был подмечен А. Куцурой: «Леонид Иванович – крупный, топором рубленый человек. И вдруг – тончайшая лирика. Даже застенчивая».) Получил огромное удовольствие, истинное эстетическое наслаждение, как от прекрасной умиротворяющей музыки. Абсолютно солидарен с О. Грозной, испытавшей те же ощущения от поэзии Чекалкина: «Проникновенный лиризм и тонкое чувство прекрасного завораживают читателя: появляется ощущение,

что душа освобождается от суетного, взмывает в прозрачные небеса и созерцает картины, умело нарисованные поэтом».

Вторая встреча оказалась тоже случайной в том же «Подвале небожителей», как московские поэты прозвали кафе в подвале Дома Литераторов. Можно даже сказать, что она была мимолетной. И на этот раз я получил в подарок другой, более ранний и полный сборник «Шепот, услышанный в шуме».

Ах, какая это лирика! И как сказать о ней простыми словами, чтобы передать читателю вот эти ощущения? Выдыхаешь, впитываешь в себя, как живительный глоток, эту, ничем незамутненную русскую поэтическую речь, и ты наполняешься тихим внутренним свечением...

И «Шепот, услышанный в шуме» вернулся со мной на Кавказ и занял свое место на книжной поэтической полке рядом с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Блоком... И с тех пор постоянным атрибутом моих лекций по современной русской поэзии стало упоминание имени Чекалкина и чтение его стихов.

Унаследованные традиции

Леонид Иванович – традиционалист. В классическом понимании этого слова. И традиционность его проявляется, в первую очередь, в используемом им метрико-ритмическом стиле. Если взять, к примеру, сборник «Во имя» и рассмотреть его в обозначенном ракурсе, мы увидим, что автор пользуется исключительно только силлабо-тоническими

метрами: не говоря уже о верлибре, мы не найдем здесь ни одного тонического стиха, даже дольника.

Известно, что наибольшим распространением в русской поэзии пользуются ямбические, затем – хореические стихи, значительно реже встречаются трехсложники. У Чекалкина ямб занимает почти 36% метрического пространства, хорей – 28%, а все трехсложники, вместе взятые (дактиль, амфибрахий, анапест), – только 36%. То есть даже пропорции употребления классического стиха у Чекалкина сохраняются интуитивно. Отступление от канонов обнаруживается лишь в том, что из трехсложников самым распространенным в поэзии 19 века выступал дактиль, у Чекалкина – анапест.

Но заметим, что традиционность не отменяет оригинальности. И ярким свидетельством тому является стихотворение «Поздние птицы», представляющем собой очень редкое не только для стихов Чекалкина, но и для всей русской поэзии явление – трехсложник с переменной анакруз (правильное чередование 2-стопного дактиля в нечетных строках с 2-стопным амфибрахией в четных):

Трудные будни,
А ночи – трудней.
Снова пребудем
Вольней и мудрей.
Силы раздарим –
Ещё соберём.
Полдня удары
Пропахли огнём.
Это сгорели

Ночные труды:
Песня свирели
И горечь беды,
Шорохи крыльев
И говор костра,
Ставшая былью,
Рассвета сестра –
Ветка зарницы –
Подарок звезды...
Поздние птицы,
Ночные труды.

Характерной чертой поэзии Чекалкина является то, что отдельные строки его стихов, не соответствуя общему размеру, «выпирают» из него или становятся короче (вольные стихи). Ритмический сбой в таких случаях, как правило, почти не заметен, а порой оказывается очень кстати, выделяя тот или иной значимый элемент стиха. Вот, например, начало стихотворения «Богомаз»:

Вот и кануло в Лету еще одно лето.
И сентябрь наступил, и неважно какое число.
И в момент пробужденья, еще до рассвета
Надо мною лицо моей милой вошло.

Три строки из приведенных четырех являются четырехстопным анапестом, а вторая («И сентябрь наступил, и неважно какое число») – пятистопным. И структурное отличие её от других подчеркивает состояние наваждения, когда человек как бы выпадает из общего течения жизни.

Чаще всего вольные стихи в поэзии Чекалкина проявляют себя в ямбе (как и в поэзии 19 века), но встречаются они у него и в хорее, и в амфибрахии, и в анапесте. Яркой иллюстрацией этой особенности поэта выступает стихотворение

«Уходит ночь»:
Неспешно светает.
Молчанье таят заповедные трубы.
И шелесты леса, и шорохи неба – не тают,
На крик не срываются грубый.

И слышен стремительный топот копыт неизвестного стада.

А строки – витают...
И ночь продолжает стремиться на убыль.
И ветер сметает листву запустелого сада...

На самом деле авторская разбивка строк иная, чем приведенная нами. Мы специально «выправили» их в соответствии с ритмическими границами, чтобы выделенная черта предстала нагляднее. И в данном случае, как нам представляется, отчетливо проступает другая отличительная грань поэзии Чекалкина – ее медитативный характер.

Но вернемся к традициям.

Самой распространенной в лирике 19 – 20 вв. строфой являлось четверостишие. Естественно, Чекалкин не мог не подпасть под влияние и этой традиции – более 87% стихов

сборника «Во имя» имеют четырехстрочную строфику, и лишь менее 13% приходится на дву-, пяти-, шести-, восьмистишия и нетождественные строфы.

При том, что строфика Чекалкина не блещет большим разнообразием, она не лишена своеобразности. Вот стихотворение «Свет», состоящее из четырех шестистрочных строф с одной и той же четко выдержанной ритмической структурой: первые две строки – усеченный четырехстопный амфибрахий – образуют парную рифмовку, последующие четыре (усеченный пятистопный амфибрахий в первой и четвертой строках, усеченный четырехстопный амфибрахий во второй и третьей строках) создают кольцевое рифмирование:

Тропинка в лесу проступает едва.
Листва неразборчиво шепчет слова,
Здесь жизнью исконной издревле живёт глухомань.
И силой природной себя воссоздав,
Господствует море целебное трав –
И сердце врачует, и нежит сухую гортань.

Я не большой знаток русской строфики, но такая представляется не просто редкой в своем роде, а исключительной, возможно, единственной в отечественной поэзии.

Еще в 18 веке, в период классицизма, в русской поэзии установилось правило чередовать мужскую рифму с женской. Более 80% рифменных пар Чекалкина как раз и сочетают мужские и женские окончания, причем – любопытный момент – традиционно русскую строфу завершает мужская

рифма, так как она звучит более обрывисто и четко. Из всех рифм Чекалкина на мужскую рифму в заключительных строках приходится 56%. (Статистические данные приводятся по сборнику «Во имя»). Рифма у него, как правило, точная.

Еще одна унаследованная и четко отразившаяся в лирике Чекалкина традиция: любимый тип рифмования у него тот же, что является излюбленным для абсолютного большинства российских поэтов – перекрестный. Именно он господствовал в русской поэзии со времен Ломоносова. И у Чекалкина почти 84% всех стихов созданы с помощью этого типа. Парная рифмовка встречается редко (6,3%), а кольцевая – еще реже (1,4%). Еще 7,7% занимают стихи с вольной рифмовкой. Но сейчас нам хотелось бы показать небольшое стихотворение с довольно редкой структурой рифмования, когда первые три строки рифмуются с последующими тремя:

Скрипы снега,
стоны ветра,
сон ветвей –
час побега,
смены спектра
и лучей.
Блики света,
час восхода,
ток реки.
Час ответа –
на укор
строки.

Обратим внимание на то, что соотносящиеся между собой вторая и пятая строки второй строфы выступают холостыми.

Приведенные примеры неопровержимо свидетельствуют о традиционности поэзии Чекалкина, но при этом, как нам представляется, поэт через голову 20 века больше обращается к 19-му. Именно здесь находятся главные его учителя, хотя, вовсе избежать традиций минувшего века он, конечно, не мог, так как они стали тем поэтическим воздухом, которым он дышал, когда формировался как поэт. Из формальных изысков можно обнаружить выстраивание слов в колонку:

Отныне как будто бы нет
Ни ветра,
ни волн,
ни течения.
Или ставшая привычной «лесенка»:
Поздняя причуда:
Трепет, а не дрожь
Вызвал –
 ниоткуда
Прилетевший дождь.
Бывает, когда поэт наиболее важное
слово выносит в отдельную строку:
И все помыслы,
волю и силы
Направляю на поиски
Слов.

Подчеркнем, что подобные примеры – разовые, выполняющие в своем месте функции выразительности.

И – тем не менее! Кто из современных поэтов может использовать глагол «лить» в форме деепричастия, не рискуя быть осмеянным? Да только тот, кто чувствует себя своим в ауре 19 века. И вот читаем у Леонида Ивановича: луна «посмотрит, свет лия», и ни смеха, ни неуместности не ощущаем.

И что же, он – ретроград, на дух не переносящий поэтические нововведения? Нет, он не чужд им и никак не против них, просто его перу наиболее комфортна лирическая атмосфера позапрошлого века, его гармоническая душа чувствует себя свободно и в строгих пределах силлаботоники, и для выражения своего настроения, чувств и мыслей ему вполне достаточны классические средства. («В пространстве классической формы – ему не тесно», – скажет по этому поводу А. Куцура). Ну как это еще объяснить? Ему нет необходимости изобретать для того, чтобы душа исполнила то, что из нее выпевается, и стихи его как бы самопроизвольно укладываются в органичную для них, апробированную столетиями форму.

Кстати, в стихотворении «Утро наступает» произошли и другие изменения, в том числе и структурные. И нам представляется, что все они только ослабили звучание стиха, так как провоцируют невольный отход от основного творческого принципа Чекалкина – медитативности.

Еще одно наблюдение подобного плана.

В названных выше сборниках («Шепот, услышанный в шуме», «Осенняя пристань») присутствует превосходная миниатюра «Перед уходом»:

и низко небеса –
На лес и крыши,
Слышны не только голоса,
И шёпот слышен.
И, отражённые рекой,
Под низким сводом
Слова любви несут покой –
Перед уходом.

Заключительная строчка, естественно, прочитывается как перед уходом из жизни. И такой финал придает маленькому шедевр печально-лирическое звучание.

Здесь гармонично все: форма и содержание настолько сливаются в единое целое, что, кажется, – ничего ни добавить, ни убавить. Странное дело, сформировавшись как личность в советское время, пережив Перестройку, став свидетелем горчайшего ее результата, Чекалкин ни разу не разразился публицистическим стихом с социальной или политической подоплекой, как будто эта беда прошла мимо, не задев его сознания. Правда, иногда мелькнет образ «одуревшей эпохи» («Связь с веком») или мысль о том, что в мир «пришли открыто бранные слова» («Над лексикой нового века»). Порой можно встретить и отдельные строфы с социально-психологической проблематикой:

А время – отложенный взрыв,
И память молчит осторожно...
Заплачет ребёнок навзрыд,
И – жить невозможно!

Проблеме детства, которой отдано много лет и усилий, посвящена лишь небольшая поэма, включенная в книгу «Детство – под угрозой?» Складывается впечатление, будто в понимании Чекалкиным поэзии нет места сиюминутным вопросам, фиксации черт времени, его неприглядной социально-бытовой физиономии, будто поэзия это нечто вневременное, предназначенное лишь для отражения разнообразного, постоянно меняющегося лика природы да светлой души лирического героя, его настроения, состояния, мыслей, переживаний явлений собственной жизни в их интимно-эмоциональном аспекте. И в этом, как нам кажется, он ближе всего стоит к Фету. С Фетом же сближает и стремление создать мир красоты и установка на то, что поэзия («волшебная строка») создается не пользы для, а «для убажания души и слуха»: «Для убажания души и слуха / Рождается волшебная строка» («Струны»). И здесь мы подходим к одному принципиальному вопросу, касающемуся эстетических воззрений и предпочтений поэта. А они таковы, что невольно подводят к мысли: а не последователь ли Леонид Иванович канонам чистого искусства? Понимаем, что такое предположение в наши дни может показаться ересью и анахронизмом, но, поверьте, есть достаточные основания для такого суждения.

Творческое кредо поэта, как нам представляется, ясно выражено в двух строчках: «И пересохшими устами / Небес восславить красоту» («Приход весны»). Семантический центр фразы сдвигается к последним двум словам: не столь важно, что именно и какими губами славить, а важна установка на прославление красоты. И этот принцип неодно-

кратно проявляет и утверждает себя в поэзии Чекалкина: «Прекрасна пора увяданья – / Печален урок красоты» («Запас немоты»). Вот еще стихотворение, в котором лирический герой умиротворенно наблюдает «спокойный и бесшумный – весенний снегопад»:

Смешное лицедейство –
Снежинок суета,
Бессмысленное действо,
А всё же – красота!

(«Весенний снег»)

Точно также, наблюдая в другом стихотворении картину хаотического круженья снежинок в конусном свете фонаря, поэт замечает лишь одно: «И в беспорядочном круженье / Своя сокрыта красота» («Красота хаоса»).

Совершенное и прекрасное поэт готов увидеть в любом природном явлении, будь то устремляющиеся в небо дымы или осиротелая луна, прячущаяся за облачным покровом. И порой он признается в бессилии перед созерцаемой красотой: «Проявление этой красоты / Не опишешь бранным словом» («Мир безбрежный»). Призванный в мир для прославления «неземной красоты» («Простота») поэт признается и в том, что этого ему еще не удалось в связи с тем что

Не хватило пока мастерства,
Вдохновенья и трепета рощи

Там, где шелест любого листка
Гениальнее слова и проще.

Таким образом, в восприятии автора природа не просто Храм Красоты, но еще и гениальный Творец, у которого можно поучиться простоте, ясности, безыскусности выраженья.

Даже о физической боли поэт говорит столь изысканно, что внешняя красота высказывания заглушает, переносит на второй план заключенный в строках смысл, а на первый выходит ощущение высокой поэзии:

Боль расслышать не дает:
Это птичий перелет,
Или вечность пролетает?

(«Перелет»)

И о разлуке говорится с такой щемяще-протяжной интонацией, что вопреки смыслу слов фраза обретает поэтическое очарование: «Летящая тихо печаль расставанья». Выразительная пластика словесного изображения такова, что мы восхищаемся не столько содержанием строки, сколько ее звучанием.

Пейзажная лирика

Нельзя сказать, что тематическая палитра В лирике Леонида Ивановича можно выделить две основные темы: жизнь природы в ее постоянной переменчивости и вну-

тренняя жизнь лирического героя во всем многообразии ее проявления. Чекалкиным подмечен и лирически воспроизведен целый калейдоскоп природных превращений и перевоплощений. Именно в пейзажной лирике со всей отчетливостью проявляется зоркость и наблюдательность поэта, его умение опозитивизировать, придать тонкие лирические черты обыденным явлениям:

Осколок утренней зари
Упал с небес.
И задымился изнутри
Промокший лес.
Туман разбуженной весны
Лишь оттенил
Едва родившейся листвы
Избыток сил.

Природа привлекает взор поэта даже тогда, когда оскудевает палитра красок и слякоть становится основой пейзажа («День, как награда»). Но при этом редко когда пейзажная картина замыкает в себе только пейзаж, почти всегда она приоткрывает настроение героя, его восприятие, чувствование, переживание момента. Так, например, легкий шорох шурги по карнизу, шелест листьев промерзлых в саду, нанизанный на посох холод ночи призваны для того, чтобы оттенить «потаенный упрек одиночества» лирического героя («Следы»). И описание летящего над дымящейся рекой спозаранок снега дается не только для выявления его чисто природных свойств («Этот снег такой породы – /

Нивелирует цвета»), но и для того, чтобы вскрыть его воздействие на героя: «Этот снег врачует раны / И душевный непокой» («Спозаранок»). Нередко природные зарисовки перемежаются выражением любовного чувства, отношения к любимой: «А кусты и деревья – все в иное, / В белом панцире – вновь провода... Я живу твоим праздничным именем...» («Ожидание»). Созерцание природы порой подводит героя к философской рефлексии:

Ночной пейзаж привычно прост:
Высоких звезд извечное свечение.
А что волнует больше – море звезд
Или одной звезды паденье?
Раздвинулся ночной простор.
Горит огонь многоязыкий.
А что тревожит душу – сам костер
Или костром отброшенные блики?

(«Дилемма»)

А порой пейзаж становится поводом для выведения формулы жизни, соответствующей определенному возрасту и обретенному опыту:

В небесном океане – звёздно.
И звёзд – не сосчитать,
И океан – не переплыть...
Ещё возможно – полюбить,
Разочаровываться – поздно.

В связи с этим же стихотворением, отвлекаясь от темы, заметим, что производить внешний эффект – не характерная черта поэзии Чекалкина, и это у него получается как бы непреднамеренно, само собой, когда строки обретают силу крылатого выражения, как в заключительных строках приведенного пятистишия: сердце еще способно полюбить в зрелом и даже почтенном возрасте, но оно уже не способно вынести очередного разочарования.

Городской пейзаж – очень редкое явление в лирике Чекалкина, но и здесь превалирует не описание ради фиксации линий и изгибов, а для раскрытия прозрения души в отношении прошлого и будущего:

Над арками Строгинского моста,
Где фонари – сутулы, узкогруды,
Где зябко от простора и остуды, –
Открылась вдруг такая высота,
Открылась вдруг такая глубина, –
Не до веселья и не до улыбки:
Видна моя давнишняя вина,
Виднеются грядущие ошибки.

(«На мосту»)

Образная система Чекалкина, связанная с природой, многолика и широка, и мы коснемся лишь наиболее характерного. Так, в лирике поэта большое место занимает образ птицы. Вообще, на наш взгляд, вполне правомерно говорить о том, что в поэтическом словаре Чекалкина одним из самых частотных выступает «птица», и при этом со всей

очевидностью проявляет себя еще одна черта: поэт предпочитает общее название конкретным. Так, на 42 употребления слов «птица», «птичья» в сборнике «Во имя» лишь два раза встречаются «журавли», да по одному разу «соловей», «стрижи», «чайки», «грач», «воронье». Семантика образа различна. В первую очередь (и это естественно), он выступает частным явлением реальной природы: «Как и эта внезапная птица, / Всполошившая криком пруды» («На излете весны»). Но птица может обернуться и метафорой поэзии: «...Птицу – вдохновения сестру» («Память нелюбви»), любви: «Прилетит хмельная птица – / Потеряешь песням счет» («Ожидание»), а если появление птиц сопровождается негативным шумовым эффектом («Налетели шумно птицы...»), то это явный признак неблагополучия в отношениях с любимой: «Я – молчу, и ты – молчишь» («Феодосия»).

Из природных явлений наиболее тесная связь у лирического героя обнаруживается именно с птицей, крик которой почти всегда включает в себе нечто вещее. И герой не только способен услышать этот зов, откликнуться на него душой, но и обрести способность к полету:

И запахами терпкими дыша,
Услышал вдруг, что птица прокричала...
На этот крик моя откликнулась душа,
Готовясь в небо улететь с причала.

(«Полночный причал»)

Любопытно, что даже стремительный почерк поэта чем-то напоминает птичий полет («по-птичьи стремительный почерк» – «Переделкинское поле»), и сам герой становится похожим на птицу во время работы за столом: «Я с птицей сходство нахожу, / Пока пишу стихотворенье» («Только звезды»), и даже слова, рабочий материал лирического субъекта, обнаруживают родство с птицами: «Слова это – вечные птицы, / Прекрасен их вольный полет» («Переделкинское поле»). Не случайно и то, что в перебранке невидимых птиц заповедного леса лирический герой улавливает «восторг поэтических дел», «поднебесную музыку» («Перебранка»). А порой сакральность образа обретает такие вещественные очертания, что трудно даже различить: «То ли ангел летит / То ли белая птица» («Новая зима»). «Тихие песни пернатой души» наряду с шорохами лета, приближают, способствуют наступлению рассвета, и лирический герой оказывается согрет спасительной мыслью о том, что еще возможно счастье на Земле, ибо – «птицы приносят рассвет» («Птичий рассвет»). Таким образом, птицы оказываются непосредственно связанными с понятием земного счастья для героя. С ними же связан и мотив пробуждения народа, проникновение в них высшего света: «И ранних птиц начнётся лёт – / Разбудит свет в народе» («Отклик»).

Одним из излюбленных в лирике Чекалкина становится и образ облака (более 30 употреблений в одном только сборнике «Во имя»), хотя не всегда данный образ выводится под своим непосредственным наименованием: «Воздушные замки витали по ясному небу» («Поздняя любовь»). Облака нередко выступают природным фоном свидания лириче-

ского героя с возлюбленной: «В небе облачко резное» («Федосия»), «И облаков густое молоко / Не заменяет лик расвета» («Ожидание доверия»). Наряду с солнцем и ветром облако выступает атрибутом явления первой любви: «Белым облачком пришла» («Первая любовь»). Порой облако оказывается не только прочно связанным с любимой, но и выступает неким символическим знаком, предвосхищающим ее появление: «Если в небе – летящее облако, / Я опять ожиданьем томим» («Ожидание»). В образе высокого облака герой способен различить черты любимой:

...Высокий облак необычный
Объявится среди подруг.
И в профиле его летящем,
Освобожденном от тревог,
Твой облик в свете уходящем
Я вновь увидеть смог.

(«Дух огня»)

Мотив узнавания любимой в образе облака повторяется и в другом стихотворении: «Если вижу тебя в его обличье, / То вслед устремляюсь за ним» («Ожидание»).

Образ звезды выступает разнородным и разнокачественным. Так, например, весело спадающая с небосклона звезда отражает беспечно-хмельное, счастливое состояние героя: «Пролетит путем фартовым / Загулявшая звезда» («Ожидание»). Имеющая «далекое звучание» звезда выступает олицетворением обещанья, залога: «Молча в небесах ищу звезду... / Жду ее далекое звучанье, / Отклика обещан-

ного жду» («Ожидание»). Порой звезда перевоплощается в богиню любви, возможно, в любимую, возведенную в ранг богини: «Надо мною восходит богинею / Неприметная прежде звезда» («Богиня»). В тексте образ богини никак не опредмечен, не привязан ни к любви, ни к любимой, и в его интерпретации мы исходим из того, что данное стихотворение включено в раздел любовной лирики «Жаркий шепот» книги «Во имя». Наше предположение подтверждается и тем, что еще в одном стихотворении о явлении любимой говорится как о появлении звезды: «Надо мною лицо моей милой взошло» («Богомаз»), а еще «две бессонных звезды» выступают олицетворением любовных взаимоотношений влюбленных («Поздняя любовь»). Но, если звезде нет дела до бедственного положения лирического героя, она становится «немой» («Жар»).

Попутно отметим, что в поэтике Чекалкина неблагополучие в мире чаще всего подчеркивается эпитетом «немой»: «И открылось немое пространство» («Тропой доверья»), «И бессонниц немая толпа» («Сомнение»). Но парадоксальным образом этот же эпитет используется для выражения восторга перед вечным очарованием поры увяданья природы:

Прекрасна пора увяданья –
Печален урок красоты,
Дарующий в час расставанья
Запас вековой немоты.

(«Запас немоты»)

Образ ветра тоже переменчив: то он выступает олицетворением преград юности («Юность»), то «предвестником большого ненастья» («Предвестье»), то – неотъемлемым атрибутом наступления утра («Поскольку ветер – часть рассвета» – «Прощание»), но, если он оказывается связан с солнцем и весной, то уже символизирует угасание любви:

А если это свежий ветер мая,
И солнце – цвета крови алой,
Уйду под парусом, припоминая,
Как наше чувство умирало.

(«Прощание»)

Довольно распространенным в поэзии Чекалкина является и образ сна, выступающий зыбким эквивалентом возлюбленной: «а ты – лишь образ сна» («Память нелюбви»). Иногда этот образ переносится на мир («он похож на сновиденья»), где лирическому герою довелось встретиться с возлюбленной, «образом милого явления» («Первая любовь»). Любопытно и то, что кризис в любви, негативные перемены в отношениях преподносятся поэтом через образ «не сна»:

И какие же могут быть сны,
Кроме сна, где спешу повиниться
Перед той, кто не хочет мне сниться...

(«На излете весны»)

А иногда сон становится олицетворением поэзии, творческого начала: «облекать сновидения в речь» («Тема беды»). В определенных случаях образ обретает черты сакральности: когда лирический герой впадает в особое состояние сбережения сна («сон стерегу») и он оказывается способен услышать «птиц на своем берегу». «Свой берег», по всей вероятности, – символический образ личного сакрального пространства, куда другим нет доступа. Сон поэта сродни хмелю, он помогает, вселяет веру в возможность возрождения: «Летучих снов глотаю алкоголь, / И в собственное верю возрождение» («Последний день»). Сон – даже тревожный! – для героя не нелепица, а «краткий отдых для души» («Снега»). Но он оказывается характерен и для природы, где стоит на страже всего сущего, земного: «Охраняет море, сушу – / Сон земной» («Звездный дождь»).

Порой отдельные образы оказываются взаимосвязаны невидимыми нитями, перекликаются, выстраиваются в единый образный ряд для более отчетливого выражения сути явлений. Так, например, сон и ветер рождают в воображении героя образ любимой: «Едва рожденный сном и ветром, / Всплывет твой образ в тишине...» («Дух огня»), а образы сновидения, ветра, птиц и высокой звезды сливаются «в бесконечную песню разлуки, / где главенствует тема беды» («Тема беды»).

Лирический герой

Осознавая жизнь подарком («Жить – не лень»), пройдя через «мучительные, нежные, веселые» и «прекрасные уроки» любви, герой Чекалкина порой чувствует себя «счастливей всех на свете» («Послание любви»). Может показаться, что это противоречит другому устойчивому мотиву – одиночеству, но, тем не менее, они сочетаются, вероятно, сменяя друг друга время от времени. Для лирического субъекта – творческой личности – одиночество превращается в необходимое условие занятий поэзией: «Мне одиночество дано / Для избавленья от словес» («Отдых»). И все же иногда оно становится таким невыносимым, что вызывает мольбу, больше напоминающую крик от боли: «О Господи мой, милосердный! / Ты знаешь, как я одинок...» («Молитва»).

Состояние одиночества усугубляется мотивом беды и боли. Лирический герой осознает свою жизнь как несчастье: «Я понимаю: жизнь моя – беда» («Памяти Марины Цветаевой»). В другом стихотворении о прожитой части жизни он говорит не иначе, как «пережив этой жизни остуду» («Возвращение в юность»), и даже начало новой жизни напоминает ему вкус беды: «Начинаю жизнь сначала – / Вспоминаю вкус беды» («Новая зима»).

Боль тоже выступает постоянным спутником жизни: «Былая боль была живой» («Рискованно»), «Философия боли – жива» («Переполнена чаша»), «Я живу одолением боли» («Одоление боли»). И это ощущение становится до такой степени привычным, что даже в те моменты, когда она отступает, герою не верится в освобождение от нее:

Боль отпустила. Боже! Больше нет её!
Но что же делать? Как же дальше жить? (...)
И разве может быть без боли житиё?

(«Второе рождение»)

Основным временем действия в стихах Чекалкина нередко выступает ночь. Характерная деталь: только в двух сборниках «Вопреки» и «Во имя» можно встретить более 20 стихотворений, в заглавии которых фигурирует слово «ночь»: «Время ночи», «Тихая ночь», «Ночь на озере», «Тайна ночи», «Колдовская ночь», «Полночный причал» и т.д. Ночные часы, как правило, отводятся литературной работе: «Снова ночи – бессонные будни, / Благодатное время труда» («Будни»), «Продлённая пауза ночи / Наполнена тайным трудом» («Переделкинское поле»), «Подступает к сердцу полночь – / Творчества сестра» («Одиночество»). С этим и связаны расставляемые поэтом приоритеты: «А любое время ночи / Мне дороже света дня» («Время ночи»). Любопытно, что ночному труду поэта «сопричастно» сопутствует «живая звезда» («Время ночи»), одна из граней которой воплощает в себе поэтическое начало.

Вообще нужно признать, что герою дорого любое время, когда он отдается творческому поиску, будь то время осени или дождя:

Задождало. Время это –
Не безделья, не тоски.
Это – праздник для поэтов,
Для рождения строки,
(«Осень»)

И все-таки наиболее излюбленным временем суток для лирического героя является час рождения дня, и он с особым пристрастием наблюдает за ним:

Привычка многих лет –
Следить, как тает мгла
И власть берёт рассвет,
Чтоб нежность ожила.

(«Рассвет»)

Именно это мгновенье он рад приветствовать во всеуслышание: «Здравствуй, утреннее чудо – /Солнечный восход!» («Рассвет на озере»). Его стихи полны признаний о трепетном ожидании этого часа: «Дожидаюсь прихода рассвета» («Птичий рассвет»), «Встречаю раннюю зарю» («Свободой дышу»), «Жду осеннюю зарю» («Захолустье»), «Почему мне нужно очень / Встретить огненный рассвет» («Жить – не лень»)...

Эта пора ему дорога не только тем, что в эти минуты «любви миновавшей приветы / порой присылает заря» («Послание любви»), и не потому, что без его соучастия остановится ход времен: «Не усну и подожду рассвета, / Чтобы день вступил в свои права» («Зимовье»), а потому, что именно в этот «час ожидания рассвета» можно поймать «восхода трепетную нить» («Полнолуние»), чтобы «в чистом утреннем зареве» небесный свет перетекал и оставался в поэте («Богиня»). Именно с образом рассвета (кстати, в одном только сборнике «Во имя» приводится четыре разных сти-

хотворения с одним и тем же названием «Рассвет») связывается мысль о возможности счастья на земле: «На земле еще может быть счастье, / Если птицы приносят рассвет» («Птичий рассвет»). Именно на заре «сподвижник туманных минут» замечает, что «утренний труд / проясняет сознание мудро» («Рассвет»), «развивается ужé / напоённая рассветом / мысль в разбуженной душе» («Ледоход»), и тогда приходят точные, необходимые для выражения своей творческой индивидуальности слова: «И слова пришли, и вот – / Свет забрезжил еле» («Свет забрезжил»). Именно в это время ветер приносит ему «Трепет утренней строки» («Время ночи»), а заря, наконец, облакает в слова мучившие всю ночь поэта образы:

А зарницы – тревожные птицы,
Покидая навек небеса,
До моей долетели страницы,
И слова обрели голоса.

(«Голоса»)

Явление зари соотносится с профессиональным промыслом поэта:

Я увижу, как огненной птицей
Свет летит в облака –
Оживёт на небесной странице
Неизвестная миру строка.

(«Два стихотворения»)

Вообще можно заметить, что в поэзии Чекалкина творчество неоднократно сопрягается с образом неба: «По воле высоких небес / Земные рождаются строки» («Гостеприимство»), «А это небеса – без берегов, / Как вдохновенье у поэта» («Полнолуние»). Внутренний мир героя, еще не раскрытый до конца творческий его потенциал тоже соотносится с беспредельной широтой и глубиной неба: «Не дано найти предела / Небу, скрытому во мне» («Выюга»). Видимо, поэтому поэт трепетно прислушивается к голосам неба («Ночь – жива»), и вдохновение им понимается именно как «тихое уменье слышать трубы / ангелов в заоблачной глуши» («Вдохновенье»).

Не случайно и то, что свое творческое состояние поэт нередко связывает с полетом, парением: «в облаках парю горящих» («Климат»), «воспарил над сонною страной» («Над лексикой нового века»), «Витаем с птицей в облаках. / А выше – звёзды, звёзды» («Только звёзды»). Высокое положение поэта во время творческого акта подчеркнуто и в первом стихотворении, открывающем сборник «Во имя»: «Надо мною – только небо. / Больше – никого» («Надо мною – небо»). И в таких случаях, как правило, беда и боль преодолеваются, отступают под напором творческой энергии:

Но если мир земной – не мил,
Скажи, кому какое дело,
Что я немало трачу сил
На то, чтоб небо пело?

(«Ночь одиночества»)

Как видим, результат творческой деятельности поэта позитивно сказывается на состоянии мира. Выделим развитие поэтической мысли: от немилого земного – через творчество – к небу, воплощающему в себе все возвышенное, духовное, божественное. А отсюда – мотив служения ему в качестве лирического атланта:

Обретённая свобода
Мне досталась для того,
Чтобы купол небосвода
На плечах держать легко.

(«Начиналось утро»)

О лирическом герое Чекалкина можно поведать еще много интересного и необычного. Так, например, его занятия порой кажутся настолько причудливыми, что понять и объяснить их с рационалистической точки зрения невозможно:

Пока же литься свет
с небес не устаёт, –
не знает сна поэт
и листьям счёт ведёт.

(«Льётся свет»)

Мы замечаем, что этот беспечный созерцатель, находящий свой смысл в том, что, с житейской точки зрения, абсолютно бессмысленно, не совсем от мира сего: «Я в открытый ковш ладоней / Собираю тихий свет» («Покой»), «К голосам

прислушиваюсь неба» («Ночь – жива»), «Я слышу: тает снег» («Тает снег»), «Понимать ручья живую речь» («Сорняки и злаки»), «В небесное верить молчанье / И слышать дыхание волн» («Молитва»)… Но мы понимаем, что именно вот эта «чудная» сторона его личности и позволяет ему стать Поэтом.

Лирический герой осознает, что ему «с рожденья подарен неброский талант» («Творчество»), что сердце его «чутко точные чует слова» («Таёжный север»), и «самой судьбой придуман долг – / таить в душе стихотворенье» («Поэзия»). Ощущая за собой «умение чувствовать чудо: / вылавливать в вечном просторе / бесшумно летящие звуки» («Чувствовать чудо»), «чуять в небе нежность зорь» («Сон основ»), лирический субъект берет на себя непростую обязанность «вызывать запасы слов / для служения искусству» («Сон основ»). И он трудится над тем, чтобы смысл собственной судьбы «явился точным в слове» («Оттиск судьбы»).

Поэтический дар героя Чекалкина осмысливается им как божий дар («И рождаются слова не напрасно, / Божья воля на это дана» – «Будни»). Чаще всего божье имя в стихах заменяется образом неба:

Из чаши неба пригубил,
Наполненной нектаром.
И получил немало сил,
И отдаю их – даром.

(«На грани»)

И сама поэзия воспринимается им как «небесное явление». И так как он призван «увязать небесное явление /

с буднями рабочими судьбы» («Ночной труд»), то он и осознает себя «связующим / меж землёй и небом» («В ночном»).

Литературный труд бесконечен: «иду, иду – и нет конца пути» («Творчество»). В другом стихотворении поэт мучительно размышляет о природе своего дара и в конце снова приходит к той же мысли безостановочности творческого процесса:

Зачем дана возможность эта –
Ночной порой, или в часы рассвета
Случайный дар торжественно беречь
И понимать ручья живую речь?
Внимать и шорохам травы,
И шелесту, и шепоту листвы;
И зверя зычный голос узнавать,
Залётным ветром доносимый?
Зачем еще другая сила –
Любить людей?
Чтоб от людей – сгорать?
Зачем – не знаю, почему – не знаю.
Живу, остановиться не могу.

(«Сорняки и злаки»)

Подчеркнём, что в контексте стиха «живу» прочитывается как «творю», ибо для поэта жизнь и есть сплошное творчество. Таким образом, поэзия оборачивается смыслом существования героя вообще. И потому даже окончание своего земного срока им воспринимается не как конец жиз-

ни, а как невозможность продолжать заниматься далее своим любимым делом:

Но настанет мгновенье
В неизвестном году –
Смолкнет сердца биенье,
Бездыханным паду.
Тростником я не стану
На ином берегу, –
Просто я перестану
Делать то, что могу.

(«Живу»)

Герой, осознавая, что «в светлом мире» жизнь «спешит к концу» («Не сбиться с пути»), не может не задумываться о смысле, назначении собственных творений:

И путь мой к закату стремится уже,
А труд – не заметен, – вершится в душе.
И, вроде бы, толку в нём мало – ни хлеб, ни зерно.
Но строки роятся, и, значит, есть прок:
Кому-то – надежда, кому-то – в урок,
Но, главное, всё-таки – свет, если в мире темно...

(«Свет»)

Таким образом, значение собственного творчества поэтом осмысливается как служение свету, по словарю символов и знаков, олицетворяющему в себе святость, благородство, красоту, мудрость, добродетели.

Завершая разговор о лирическом герое Чекалкина, заметим, что между ним и личностью самого автора никакой непреодолимой преграды не существует, более того, они накладываются друг на друга и представляют одно и то же лицо. Характерным в этом плане представляется и то обстоятельство, что в творчестве Чекалкина практически нет места ролевой лирике, ролевому субъекту: всегда и везде автор говорит от своего имени, и природа, и все ее многообразные проявления, как мы могли заметить, представлены сквозь собственную мировоззренческую призму.

* * *

На один из вопросов анкеты Леонид Иванович ответил: «В современной поэзии ощущаю себя заброшенным островом в океане». Комментировать троп поэт не стал, но нам представляется, что за этими словами стоит горечь от того, что, будучи поэтом, и поэтом истинным, он остается малоизвестным, критика не балует его своим вниманием, наличие публикаций о нем можно сосчитать пальцами одной руки. А между тем, Илья Клейнер – философ, прозаик, поэт, художник, – чьему эстетическому вкусу можно доверять, признавая Чекалкина «явлением чисто русским, чисто национальным», не только «явлением искусства, но и явлением в искусстве», отводит ему «одно из ведущих мест в первой десятке отечественных поэтов». Что ж, будем надеяться: «Пониманье и признанье – / Снова впереди».

Подводя итоги последнего десятилетия XX века, В. Славецкий в монографии «Русская поэзия 80 – 90-х годов XX века» констатирует: «Со смертью Р. Рождествен-

ского закончились соцреализм, собственно советская поэзия, со смертью И. Бродского – специфическое новейшее барокко (...). Со смертью А. Иванова кончилась эпоха прямолинейной советской пародии. После кончины Б. Окуджавы иссякла бардовская традиция. А неожиданная смерть Вл. Соколова словно завершила целую эпоху традиции русского лиризма».

Вероятно, по большому счету, Славецкий прав. И, тем не менее, читатели Чекалкина не могут не усомниться в последнем тезисе литературоведа, потому что перед ними – образец чистейшей лирики, впитавшей и продолжающей лучшие традиции классической русской поэзии.

*Пётр Чекалов,
доктор филологических наук,
профессор*

Содержание

Ветер удачи

Весна запоздала	5
Юность	6
Наполняя строку высотой	7
Весенние ветры	8
Путь-дорога	9
Мелодию слушаю Бога	10
Следы	11
Спозаранок	12
Вернуть волнение	13
Благодарность	14
Надежда	15
Отгиск судьбы	16

Избранное из ранней лирики

Середина лета	19
Утренняя песня	20
Помня атлантов	21
Тающий свет	22
Желание песни	23
Прибалтика	24
В шторм	25
Жажда	26
Дорога	27
Час разлуки	28
Доля	29
Гуманы	30
Седой ковыль	31
Осень в Архангельском	32

Зимнее тепло.	33
После разлуки.	34
На излёте весны	35
Шелест листвы.	36
Кто прав, кто виноват?.	37
Судьба	38
Время пророчеств.	39
Мой профессор	40
Старый поэт	41
Обида – беда	42
Горечь	44
Ранняя весна	45
Быль и небыль	46
Святой лик.	47
Порожняком	48
Последнее лето	49
Крым	50
Вятская ночь	51
Крымский берег	52
Эпоха листопада	53
Нелётная погода.	54
К весне	55
Апрельские шалости.	56
Рассвет на озере	57
Лесное озеро	58
Беспечные года.	59
Тревожно.	60
Память сердца.	61
Пляж Коктебеля.	62
Берёзовая роща	63
Короткая судьба	63
Берег новой звезды	64

Холод ночи	65
Горечь опалы.	66
Измена	67
Бег времени.	68
Ожиданье отклика	69
Крик	70
Стыдóба	71
Сквозняк	72
Сомнения.	73
Напасть	74
Мятеж.	75
Запас укоризн	76
Останься неизвестной	77
Предчувствие	78
Хозяйка-зима.	79
Госпитальная весна	80
Огонь запоздалый.	81
Боль	82
Поэтическая работа	83
Новый смысл.	83
Переделкино.	84
Пауза ночи.	85
Ночное знанье.	86
В час расставанья	87
Соседство	88
Научала ночь.	89
Ожидание	90
Не зря.	91
Зима	92
Зима уходит?.	93
Ожидание весны.	94
Пока сознанье ясно	95

Тайна	96
Ночь	97
Госпитальная весна	99
Краски лета	100

Избранное из книг 2006 года

<i>Январь затеплен</i>	103
Россия.	103
Ожидание утра	104
Тайный разговор	105
А строки витают...	106
<i>Свирели февраля</i>	107
Молчит провиденье	107
Имя – лета	108
Памяти поэта	109
Опять бессонница.	110
Покой безмерный.	111
Укор	112
Русская речь	113
Снегопад	114
Февраль на исходе	115
Бренная доля	116
Проводы зимы	117
<i>Мартовские миражи.</i>	118
Заморозки	118
Большие деревья	119
Ты – бессмертен	120
Сны основ	121
Ручей ночью	122
Храм огня	123
Ночной дождь.	124

Свирель	125
В грани чувств.	126
Утро	126
Парус дождя	127
<i>Апрельские посиделки</i>	128
Весенний снегопад	128
Не отвергнуть дар	129
Два стихотворения.	130
Наследство.	132
Откровенья эпохи	133
<i>Магия мая</i>	134
Вечное время.	134
Лесное озеро	135
Ночная повесть.	136
Шёпот.	137
Дар	138
Вызволя покой	139
Закат.	140
Магия мая	141
Ночная песня	142
<i>Смотрины июня</i>	143
Смятенье	143
Ночной костёр	144
Настроенье	144
Сценарий ночи	145
Весть.	146
<i>Июльские акварели</i>	147
Зов моря	147
Крылатая воля	148
Мыслей семена	148
Ответ	149

Свет	150
Причал.	151
<i>Здравствуй, август!</i>	153
Августовская гроза	153
<i>Сентябрь. До востребования...</i>	154
Глухая ночь	154
Рассвет	155
Характер	156
Прощание полей.	157
Захолустье	158
<i>Октябрьское поле</i>	159
Предзимье	159
В часы страды	160
Ранний снег	161
Свет ночной.	162
Таёжный север	163
Снег под фонарём.	164
Ночь сомнения	165
Мысль храню.	167
Воочью	168
<i>Соборный ноябрь.</i>	169
Предчувствие слова	169
Орнамент.	170
Предчувствие зимы	171
Обретение тепла	172
Струны снегопада.	173
Заглавная игра	174
Строки сердца.	175
Обретенье свободы.	176
Память	177
Первая выюга зимы	178

Вкус беды	180
Два стихотворения	181
Сторож	183
Сжечь мосты	184

Тайна верлибра

Теплится жизнь	186
Память. Госпиталь	187
Восхождение	188
Неустроенность	189
Сон-воспоминание	190
Незадача	191
Конец зимы	192
Свет забрезжил	193
Время	194
Возвращение к стихам	195
Не поддаться привычке	196
Знойный закат	197
Крест судьбы	198
Дух воскрешенья	198
Маленькая поэма о любви. (Сон)	199
Юность	202
Бездельник	204
Вместо заклинания	205
Душа – чиста	206
Мечта	207
Воля небес	208
Феодосия	209
Музыка ветра	210
Умирать – нельзя	211
Бабочка зимой	212

Свет	214
Тень	216
Ночь – невинна	218
<i>Мне прописали счастье (Литературная газета</i>	
<i>от 10 сентября 2014 года)</i>	<i>219</i>
Жажда	219
Связь с веком.	220
Ниспосланный свет	221
Тревога	222
Начало	223
Без помех.	224
Лето-осень	225
Музыка ветра.	226
Лирика Леонида Чекалкина	227

Литературно-художественное издание

Чекалкин Леонид Иванович

ВЕТЕР УДАЧИ

Стихотворения

Оформление обложки – П. Ефремов и Ст. Басанович
Компьютерная вёрстка – Т.А. Скубенко

Подписано в печать 20.11.2014 г.
Формат 70х90/32. Гарнитура «Baskerville».
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Тираж 100 экз. Заказ № 543.

ISBN 978-5-91366-974-2

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва
ул. Большая Никитская, д. 50а/5
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru